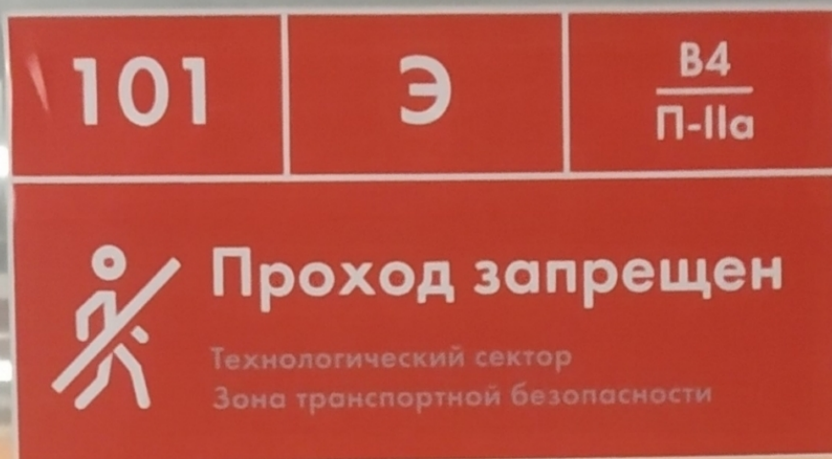

16+

Евгений Луковцев

Линии Леи

ЕВГЕНИЙ ЛУКОВЦЕВ

Линии Леи

«Автор»

2020

Луковцев Е.

Линии Леи / Е. Луковцев — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04789-1

Начинающий юрист с неплохими карьерными перспективами Евгений Стожар ещё неделю назад посмеялся бы над предложением уволиться из приличной фирмы, бросить офис в центре Москвы и устроиться вахтёром в метро. Но это было целую неделю назад! С тех пор он столкнулся с пассажирами, умеющими сесть в поезд на ходу, исчезнуть прямо с ленты эскалатора или заставить попутчиков вытворять весьма странные вещи. Так что теперь он не бросит своё расследование, даже если ему запретят пользоваться метрополитеном. Он обязан выяснить, кто на самом деле путешествует по московским подземным линиям, что скрывают заброшенные перегоны и куда ведут запертые двери, не отмеченные на станционных картах.

ISBN 978-5-532-04789-1

© Луковцев Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Оболтус	7
Турчин	12
Хвосты	24
Метро	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Луковцев

Линии Леи

Пролог

– Вон того деда видишь?

– Ага.

– Каждое утро езжу с ним в одном вагоне. Он выходит на Площади Революции.

– Может, у него там работа?

– Не в этом дело. Там ведь скульптуры эти, все пассажиры кого-то глядят. Кто нос собаки, кто крыло курицы, кто ногу ребенка.

– Ну правильно, кто какое желание загадал.

– Вооот! А этот дед каждое утро идет к революционеру и гладит его револьвер. Странно, да?

– Не знаю. Может, есть и у него особая мечта, и он всё ещё надеется?

Подслушано в метро.

Вы знаете, что такое линии Леи?

Да, наверное, знаете. Читали про них под названием "силовые линии Земли" или ещё каким. Нет? Ну хорошо, тогда про геопатогенные зоны и всяких там экстрасенсов-лозоходцев не могли не слышать!

Стойте, стойте, я не сектант и не тронулся умом на почве эзотерики. Понимаю, что "теория чистой земли" – это чистой воды чушь собачья. Не бывает в природе ровных путей, проложенных через всю планету. Это было бы уж слишком.

Но если представить себе на минуточку, какая колоссальная мощь кипит прямо под нами, в толще планеты... Если подумать, какие силы и энергии там гудят... Как они поднимаются к поверхности, как ищут благоприятный момент, чтобы вырваться наружу... И они находят, будьте уверены. У них на это миллиарды лет. Дайте срок, и раскалённая магма найдёт слабое место, раздвинет земную кору, чтобы хлынуть, создавая новые горы, поднимая из глубин океана новые острова.

Да, не всегда. Есть такие земли, где почти не бывает тектонической активности. Но это не значит, что напряжение сил природы в таких местах слабее.

Хотите знать, что происходит там, где у подземных энергий нет возможности выплеснуться наружу? Рок постоянно стучит нам снизу, из пекла, оставляя невидимые трещины в тверди, которую мы привыкли считать несокрушимой.

Представьте себе, как в калёное лобовое стекло попадает камень. Стекло слишком толстое, чтобы пробить в нем дыру. Но удар достаточно сильный, чтобы оставить на поверхности скол. Видели, как это бывает? В центре появляется сеть запутанных круговых линий, а от них во все стороны расползаются неровные, извилистые радиальные трещины.

Это линии Леи. Они бывают на стекле, а бывают и на земной коре. Как трещины портят обзор, преломляя солнечный свет, так их подземные близнецы, образованные тысячелетиями толчков бушующего демона земного ядра, преломляют его энергию. Она изливается уже не чистым жаром и привычным нам радиационным излучением, она приобретает совершенно новые формы и свойства.

А мы ходим над ними и ничего не чувствуем. Или чувствуем?

Давайте пофантазируем ещё немного. Что, если мы очень даже чувствуем, и вполне можем приспособить линии Леи к своей пользе? Скажем, некоторые, постоянно живущие в свете линий Леи, обретают способность слышать чужие мысли. Или видеть невидимое, или управлять предметами на расстоянии. Летать, крошить камни прикосновением или воспламенить одним только взглядом.

Теперь допустим, что получить такой дар способны не все. У большинства от долгого пребывания в этом свечении только голова заболит. Лишь один на тысячу ощутит воздействие, а один из ста тысяч научится управлять этой силой. Всё равно, это было бы здорово? Наверное...

Будут рады такому повороту очень не многие. Те тысячи, которым свет линий недоступен, не захотели бы допустить к особым способностям немногих чувствительных. Логично? Логично. Также и среди одарённых наверняка развернулась бы борьба за доступ к волшебной силе. Вернее, за ограничение доступа для всех прочих, кто мог бы оказаться более одарённым, более сильным.

Да, я бы немало удивился, не найдись за всю историю человечества некто (из числа посвященных в тайну, разумеется), кто не захотел бы спрятать линии Леи. От всех. Вообще. Может быть, разве что, кроме себя. И не принял бы к этому самых решительных мер. Например, изолировав энергию линий, накрыв их куполом из железа, бетона и особых защитных сплавов. Заземлив бесконечными стальными полосами под постоянным высоким напряжением.

Как это сделать, не вызвав пристального внимания, тысяч вопросов к грандиозной стройке? Да запросто. Спрятав этот объект под видом другого, не менее грандиозного и стратегического.

Концентрические круги в центре и радиальные трещины во все стороны.

Ну? Ну что мне, ткнуть вам под нос карту метро, чтобы вы поняли?

Оболтус

– Нет, мама, мы нормально живём.

<...>

– Нет, нормально!

<...>

– Нет, ты не права. Ты ещё скажи, как кошка с собакой.

<...>

– Как гусь с гусятницей? Отличная аллегория, я запомню!

Подслушано в метро.

Ладно, давайте обо всём по порядку. Я услышал про линии Леи задолго до того, как реально столкнулся с ними. Точно не скажу, кажется – вычитал в одной из книг, которые пользуются популярностью почти у каждого в определенном возрасте. У меня такой период наступил классе в восьмом, может быть в девятом. Я являлся с компаниями весьма мрачных личностей, носил в тон с ними темную одежду, красил волосы в черный, вешал на шею и запястья всевозможные амулеты. Значения их вычитывал в сомнительных статейках, а иной раз придумывал сам, исходя из принципа, чем страшнее версия, тем лучше.

Перейти к практическим занятиям не решался довольно долго, и даже в склепе на центральном городском кладбище ночевал всего один раз. Было холодно, не столько страшно, сколько неуютно и сыро, а никаких обещанных изменений в сознании не последовало. Поэтому от повторения эксперимента я отказался.

Зато я запоем поглощал совершенно сказочные повести о вампирах, приведениях и Ктулху, следом – книги посложнее, претендующие на реалистичность, типа "Практической магии" или "Искусства хиромантии и физиогномики". Наконец, довершали процесс произведения, заявляющие о своей полной действительности и научной состоятельности. Их спектр тоже был весьма широк, от леденящего душу "Молота ведьм" до спокойного "Древнего пути" Уоткинса.

Вот, кстати, о последнем. Знакомство с теорией ровных дорог меня поначалу не впечатлило. Потому что книга не ответила на вопрос, который я любил себе ставить перед каждым новым делом: зачем? Кому нужны особые видимые и невидимые пути, если ходить по ним особо некому? Без четкой цели или хотя бы причины меня эта тема не увлекла. До той поры, пока...

Школу к тому времени я уже закончил. А дурь в голове растряссти не успел, поэтому экзамены в институт провалил и не сильно расстроился. Больше года провалял дурака, перебиваясь родительскими подачками и разовыми заработками, а в итоге закономерно загремел под фанфары. В смысле, был под звуки духового оркестра торжественно отправлен служить Родине. Полтора года спустя вернулся домой с уже куда более практичным взглядом на жизнь.

К тому моменту, с которого я хочу начать эту историю, мне было уже отнюдь не двадцать. Я успел закончить "вышку", юридический факультет при дополнительной специализации в психологии. Затем устроился на работу по специальности – охранником в магазин. Захотел большего, стоящего, поэтому пару лет прослужил в патрульно-постовой службе. Разочаровался, уволился, устроился в охранную фирму покрупнее. Неожиданно выяснил, что имею нюх на враньё. Точнее, склонность замечать детали, не интересующие большинство коллег. Мимику, жесты, изменения интонаций и дрожание голоса. Подчистки на документах, пятна или складки в необычных местах на одежде.

Мои способности позволили оказать фирме несколько важных услуг, предотвратить серию происшествий. За счёт чего я быстро пошёл вверх по карьерной лестнице. А когда

"выбрал потолок", снова без особых сожалений уволился. Но с дружеским отношением, получив такие рекомендации, что без труда нашёл отличное предложение в Москве.

Дальше мне оставалось рискнуть и переехать. Понять, что принципиальной разницы смена города не даёт. Интереснее? Пожалуй. Но при этом в провинции, когда долго бежишь, непременно попадёшь в другое место, а здесь, знаете ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же.

Итак, к этому моменту я уже полтора года являюсь "понаехавшим". В качестве молодого и не слишком опытного (по местным меркам) сотрудника имею должность средней доходности при повышенной обязанности. Работаю в престижном, на слух непосвященного, районе у Тверского бульвара, в задрипанном офисе с видом на неиссякаемый поток машин.

Чтобы попасть туда, ежедневно я должен проводить три четверти часа под землёй, добираясь сначала по синей ветке метро, затем пересаживаясь на кольцевую, а сразу же на следующей станции – на фиолетовую. Если наскучило, дорогу можно разнообразить, совершая пересадки на серой или на зелёной линии, но длительность пути это не сократит. Почти час подземной жизни каждое утро и столько же вечером, это стандартная цена для большинства местных и не местных людей за возможность проживать в Москве.

Сделаю здесь ещё одну ремарку. Я терпеть не могу телефоны, планшеты, читалки и прочие мобильные гаджеты. Это не объяснить словами, особенно людям, которые проводят за экранами всяческих устройств в среднем по 170 часов в неделю. Может быть, практикующие психологи расскажут, спросите у них. Могу только пояснить, что экран перед лицом, если не сижу в удобном офисном кресле, уже через пять минут вызывает у меня боль в шее и сухость в глазах. Провести с телефоном весь путь до работы, означает промучиться весь остаток дня острой головной болью.

По этой причине я в дороге почти всегда смотрю не вниз, а прямо. Нет, совсем от телефона не отказываюсь: иногда включаю себе музыку или лёгкую книжечку. Но частенько забываю наушники дома, а если заранее кладу в карман, то забываю потом достать и зарядить. Так вот и выходит, что любимое моё развлечение в дороге – разглядывать других пассажиров. Подмечать их повадки, манеры, станции посадки и выхода.

Можете не верить, но в многомиллионном городе люди стараются придерживаться режима. Выходят из дома в одно и то же время, садиться предпочитают в один вагон, и порой даже место выбирают одно и то же, если толпа ещё не плотная и есть возможность выбирать.

Поняв это и проявив немного внимательности, примерно через полгода вы будете знать в лицо добрую половину своих попутчиков. С иными заведёте знакомство более близкое, станете приветствовать кивком и улыбкой.

Например, с Оболтусом я познакомился именно так.

* * *

Я ездил на работу со "станции подброса". То есть, примыкающей к большому депо, где есть специальный путь для перевода поезда на соседние рельсы и отправки в обратную сторону. Не знал, что такие существуют, пока не снял квартиру вблизи одной из них. Между тем, станций таких много, они есть практически на любой ветке метрополитена. Одна из главных их целей – снижать нагрузку на центр города в часы пик.

Это я так думал. Да и все так думают. Наверное, если пассажиров когда-нибудь всерьёз заинтересует эта тема и метрополитен опубликует официальную версию, там тоже будет сказано нечто похожее. Мол, уважаемые пассажиры, есть такие места, где вы рискуете услышать: "Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны". И дальше – про штрафы за нахождение в служебных помещениях и пустых поездах.

Так вот, это делается не для того, чтобы вас позлить и заставить лишние пять минут провести под землёй в ожидании следующего состава. Просто ваш вагон уже полупустой, а где-то неподалеку уже начинается вечерняя давка. И поезд, развернувшись на такой специальной станции, поможет вывезти людей с перегруженных платформ, чтобы они под напором не попадали на рельсы.

Примерно так мне объяснили систему знакомые, имеющие отношение к метро. Намного позже я узнал, что всё несколько сложнее, и... Впрочем, стоп, я опять опережаю события.

Значит, Оболтус. Я считал, что он живёт где-то ближе к конечной. Потому что, входя в вагон, я всегда видел его уже внутри.

Ехал он тоже дальше меня. Ни разу за почти полгода, что я заметил для себя этого пассажира, не видел его входящим или выходящим из вагона.

О том, насколько я ошибаюсь, узнать пришлось тоже гораздо позже. Пока же я просто заметил "знакового" и заочно прозвал Оболтусом. Потому что была в его внешности некоторая странность. Он всегда, каждый день, если мне удавалось встретить его в пути, был одет совершенно одинаково.

Джинсы, болтающиеся на тонких нескладных ногах. Серая лёгкая кофта с белым узором. Не абстрактным, но таким не чётким – невозможно разобрать, что именно изображено на вязаных складках. Высокие ботинки, в которых можно было разглядеть костлявые голые щиколотки без носков.

Единственный предмет гардероба, который иногда менялся, – это шарф или, иногда, шейный платок. Однажды я заметил, как Оболтус достаёт платок из пухлого пластикового пакета, ещё одного неизменного своего атрибута. В такие пакеты милые улыбчивые продавцы в бутиках упаковывают купленную одежду. Не удивился бы, узнав, что шарф и платок он постоянно возит с собой в этом пакете, иногда меняя для разнообразия.

Но нет, я не сказал бы, что выглядел Оболтус неряшливо, затерто и обтрепано, что одежда его не стиралась месяцами и никогда не знала утюга. Напротив, каждую нашу встречу он казался с иголки, словно только что купил весь комплект, полностью идентичный вечерашнему. Я долго искал разгадку, но в конце концов смирился и решил не ломать голову. Успокоил себя версией, что Оболтус ради студенческого выпендрёжа купил пять одинаковых костюмов и меняет их каждый день. По выходным я на работу не ездил, так что не знал, можно ли встретить Оболтуса в шестом и седьмом варианте одного и того же одеяния.

Ах, да. Ещё кое-что. Всегда, абсолютно всегда он ездил с накинутым на голову капюшоном. Словно зяб даже в плотной утренней толпе при закрытых форточках и отключенной вентиляции. Замечая его занятый наряд в углу вагона, у торцевой двери, я всё чаще думал, что он будет делать через пару месяцев, когда начнется настоящая летняя жара и в подземке будет не продохнуть даже в лёгких майках?

Лицо Оболтуса из-под капюшона вполне можно было различить. Поэтому я сразу отбросил теорию, что он прячется таким экстравагантным способом от видеонаблюдения. Стал считать, что это ещё один элемент выпендрёжа, свойственного молодым людям до двадцати лет – примерно так я оценивал его возраст.

Ну ладно, вру. Однажды был случай, когда Оболтус вышел из вагона раньше меня. Только этот случай вспоминать мне неприятно. Он выставил меня полным профаном в той области, где сам я считал себя как минимум продвинутым специалистом. Понятно, что рассказывать об этом тем более не хочется.

Вышло это так. Я почти подъезжал к своей станции. Планировал выходить на Киевской, чтобы пересесть на кольцевую линию. Оболтус ехал на своем излюбленном месте, в углу справа. На Парке Победы, как всегда по утрам, ожидалась давка, и я заблаговременно постарался сдвинуться туда же, в угол, образуемый стеной вагона и поручнем сиденья. Здесь штурм,

предпринимаемый опаздывающими пассажирами, меньше всего сказывался на боках и пальцах ног.

Она вошла в вагон первой, эта рыжая улыбающаяся девчонка. Так легко и свободно, словно за её спиной сейчас не шло мамаево побоище за право втиснуться в вагон. Не просто вошла, непринуждённо проскользнула между плотно стиснутых спин и сомкнутых локтей.

Через секунду она уже стояла там, в глубине, где вроде бы и места не оставалось для ещё одного человека. Будто пространство вагона раздвинулось ради неё, предлагая располагаться со всем возможным комфортом.

Так ловко она это проделала, что меня едва коснулся запах её духов, настолько же лёгкий и привлекательный, как она сама. Коснулся – и тут же растворился в смрадном духе модных одеколонов, которыми считает за долг облить себя перед поездкой каждый второй пользователь подземки.

Оболтус тоже почувствовал приближение незнакомки, поднял взгляд – и расцвёл в такой радостной улыбке, что у меня скулы свело от зависти. Ну конечно, они знакомы. И вот он ей место уступает, а потом наклоняется, говорит что-то на ухо, и они вместе смеются. А я...

Тут она обернулась и внимательно посмотрела на меня. Я не был готов. Это совсем детский прокол для меня, любителя подглядывать за чужими эмоциями. Я считал, что отлично умею выдержать чужой взгляд. Или посмотреть отвлечённо поверх головы. Или отвести глаза за миг до того, как мой интерес привлечёт встречное внимание. А тут – промах.

Если девушка красива, и знает об этом, и ты знаешь, и думаешь об этом, разглядывая её... Её быстрый внимательный взгляд гарантированно собьёт тебя с толку. Так и вышло. Я смутился и даже отвернулся, уставившись в окно. Глупо? Да, но пересилить себя и посмотреть на неё ещё раз я не мог.

Перегон от Парка Победы до Киевской – один из самых длинных на этом маршруте. Я добрых три минуты пялился в темноту за стеклом. Когда там уже замелькали фонари, знаменуя приближение станции, я твердо решил, что выходить не буду. Последую за этими двумя хоть до конечной. Пусть буду выглядеть глупо, но узнаю, куда они едут. И прослежу за ними. И, может быть, решусь подойти и заговорить.

Лёгкий аромат духов заставил меня резко обернуться. Тётка, удобно привалившаяся ко мне, потеряла опору и недовольно забухтела. Я не обратил внимания, шарил глазами по вагону в поисках рыжей незнакомки. Но ни её, ни Оболтуса нигде не было.

Двери распахнулись, толпа ломанулась на свежий воздух. Я в третий раз оглядел вагон и убедился, что цель потеряна. Если эти двое каким-то образом прошли за моей спиной и сейчас выходят на перрон, я упускаю свой последний шанс.

Чуть толкнувшись от поручня, я позволил последней порции пассажиров вынести меня из вагона. Встречный поток мгновенно устремился внутрь, пришлось даже огрызнуться и дёрнуть на себя рюкзак, чтобы его не вырвали из рук, зажав между чужими сумками. Затем я быстро шмыгнул между колоннами в нишу, огороженную стальным леером. Здесь нет прохода, зато отсюда отлично видно всех, кто вышел из поезда и направляется к выходу.

Встав ногой на леер, я поднялся над толпой. Ничего не изменилось. Ни Оболтуса, ни девушки нигде не было. Я дважды оглядел зал, повернулся в другую сторону, попытался заглянуть даже в жерло эскалатора – вдруг? Но нет.

Позади зашипели двери отходящего поезда. Обожжённый внезапной догадкой, я спрыгнул на пол и шагнул обратно на перрон. И увидел их почти сразу. Они стояли в вагоне на том же месте, справа в углу. Смотрели на меня через окно. Она – внимательно, с интересом. Он – с лёгкой улыбкой: мол, извини, сам виноват, никто тебя не гнал наружу.

Больше я никогда её не видел. Только его.

Что мне, скажите, оставалось? Подойти и спросить? А с какой стати? Я и его-то по имени не знал, с чего он должен рассказывать мне про свою подругу? Поводов для разговора, доста-

точно веских, чтобы самому себе не казаться смешным, за всё это время у меня не нашлось. Так что знакомство с этим странным типом и дальше ограничивалось лишь лёгким кивком и, иногда, невольной ничего не значащей улыбкой. До тех пор, пока...

Наверное, вот этот момент и можно считать настоящим началом моей истории.

Турчин

– Да, Миша, ты предупреждал. Но вспомни, как ты меня предупреждал?

<бубубубу>

– Нет, не так ты говорил. Ты говорил, что она странная и загадочная. А что у неё оба полюса сдвинуты – ты ни слова не говорил... Да какое "немножко", у неё атмосфера течёт конкретно, прямо в открытый космос! Мы пришли к ней с мясом, фруктами и дорогим вином. А в результате дегустировали её самодельный грог и убрали лес!

<бубубубу>

– Да, да! Вот именно Паша с Ленкой в доме пил вино и тр... Кино в три-дэ смотрели. Да, а мы с ней и какими-то еще тремя придурками собирали в лесу мусор... Потом? А потом, Миша, мы его сор-ти-ро-вали! На перерабатываемый и не перерабатываемый!

<бубубубу>

– Нет, я не мог её послать. Она интересная... Да, я сейчас к ней еду. Да, так всё и будет. Но смотри, Миша. Если в итоге выяснится, что она ангел и там у нее вообще ничего нет – я приеду и в морду тебе дам.

Подслушано в метро.

В этот день я ехал на работу намного позже обычного. Не по собственной воле, разумеется. Клиенты перед сезоном летних отпусков словно взбесились, шли в офис косяком. Ничего необычного, в общем-то, но работа с новыми клиентами в нашей фирме всегда начиналась с меня. А значит, моё опоздание автоматически задерживало всю фирму, било её по карману. Как следствие, это портило мои отношения с руководством, да ещё и нагружало сверхурочно. Понятно, что опаздывать в такие периоды особенно не хочется.

Но острому пульпиту не прикажешь. Поэтому в самую горячую пору я был вынужден потерять почти три часа рабочего времени на визит к стоматологу. Клиника, выбранная наугад, лишь бы поближе к дому, оказалась не ахти, врач несколько раз заставил меня взвизгнуть и подскочить до потолка прямо из положения лёжа. Ругался, что я не способен потерпеть пару минут такие простые манипуляции.

К чему вам эти подробности? Суть-то, в общем, заключается в том, что в метро я спулся поздно и не в лучшем состоянии. А с учётом выложенной суммы и перспективы просидеть в офисе до полуночи – прогноз на хорошее настроение у меня отсутствовал.

Чуть поправила положение пара бродячих музыкантов, расположившихся за крутым поворотом коридора, перед эскалаторами. Я вообще люблю живую музыку, а тут ребята со скрипкой и флейтой устроили проходим прямо-таки майский день, именины сердца. Музыка на известный серьёзный мотив, исполняемая в неожиданно быстром мажорном стиле, лилась между стенами, накатывала, как прибой, радовала и смешила.

Я сунул руку в карман. Едва коснувшись кошелька, вспомнил, что наличных у меня больше нет, спасибо доктору. Кидать за такое выступление пару жалких монет-медяшек показалось стыдно. Настроение сразу упало, на эскалатор я ступил с раздражением, а к вагону подошёл уже снова с черными мыслями о бездарно потерянном времени и тающих финансах.

Вдруг сквозь оконное стекло я увидел знакомую фигуру. Странно, Оболтус никогда ещё не попадался мне на глаза так поздно. Я, конечно, и сам вне утреннего часа пик спускаюсь в метро не часто, но... К тому же, он любит ездить ближе к концу вагона, забиваясь в самый угол, где никогда нет давки. Его даже в часы пик нельзя было застать у дверей или возле "гармошки". А тут...

Я услышал предупреждение робота-диктора: «Осторожно, двери закрываются!» – и поспешно шагнул внутрь. Привычно улыбнулся, кивнул. Ответа, к ещё большему моему удивлению, не последовало.

Лицо под капюшоном с преувеличенным безразличием смотрело в потолок. Меня вроде как не заметили и не узнали. Но я тут же отметил напряжение скул и дергающийся глаз. Оболтус всё прекрасно видел, поэтому сильнее занервничал. Он упорно подавлял попытки посмотреть то в мою сторону, то куда-то вбок, за своё плечо.

Я озираться не стал, поступил хитрее. Воспользовался излюбленным приемом. Спокойно прошёл глубже в вагон и с безразличной миной уставился в окно. Место выбрал идеально, потому что раньше сто раз так делал. Стоило поезду откатиться от станции в темный туннель, и в окне как в зеркале отразился Оболтус. А чуть повернув голову, я мог разглядеть любого из наших попутчиков.

Ни один даже не заподозрит, что я пялюсь прямо на него, ведь отражения в окнах так естественны и привычны! Моего шпионажа со стороны почти не заметно, отсутствующее выражение лица явно свидетельствует, что "абонент недоступен".

Итак, кто из них? Детей сразу пропускаем, бабульку с двухколёсной тележкой тоже. Ближе всего к Оболтусу стоит девушка лет эдак 25. Может, это она его так напугала? Сама возбуждена, болтает по телефону. За гулом двигателя не слышно, о чём.

Нет. Дама слишком занята своими проблемами. Пожалуй, угроза заключена не в ней. Две женщины постарше за ней? Нет, эти тоже погрязли в собственном разговоре. Парень в ветровке? Спиной стоит, поглощён музыкой. Дед позади него?

Тут вагон качнуло на повороте, неплотная масса пассажиров синхронно шевельнулась. И в прогале между двумя рядами плеч и животов я заметил, наконец, того, кто был нужен.

Мужчина средних лет, среднего роста, средней комплекции. Стрижка короткая, не модная, волос русый. Лицо среднестатистическое, ничем не примечательное, кроме уверенного жёсткого взгляда. Одежда тоже самая обычная: потёртые джинсы, лёгкая куртка спортивного стиля, стоптанные демисезонные ботинки. В общем, для любого невнимательного зрителя это был человек без имени и без внешности, не обращающий на себя внимания. Более того, вылетающий из памяти через секунду после случайной встречи.

Любой работяга со стройки выглядит более ярко, броско. А так одеваются лишь те специалисты, что не хотят встречаться с чужими взглядами. Оперативники в штатском, карманники на работе. Не успевшие разжиться личным авто начинающие бандиты.

Особенно мне не понравилось, что при каждом движении Оболтуса незнакомец тоже едва заметно подается вперед и тербит пальцами полу куртки. Торопится, нервничает. Хотя по сути – чего тебе сейчас бояться, на перегоне? Куда он от тебя убежит?

Нервный жест не оставлял сомнений, что под курткой у неизвестного – оружие. Ох, парень, во что же ты вляпался? И как же тебе помочь? Сейчас ведь половина вагона выйдет на пересадочной, и положение твоё станет вообще аховым...

Оболтус и сам понимал свои не радужные перспективы. Пока я обдумывал ситуацию, он уже принял какое-то решение и начал действовать. Двинулся, но не к дверям, что означало бы неизбежную встречу с опасным незнакомцем, а в обратную сторону. То есть, к торцу вагона. Я поймал его взгляд и постарался выразить мимикой всё своё удивление.

– Помоги! – едва слышно произнес Оболтус, протискиваясь мимо меня.

Я, признаться честно, ждал чего-то большего. Внятной просьбы, хотя бы сжатых объяснений. А он только лишь шепнул ещё раз: "Помоги!" – и пошёл дальше. В тупик, который вот-вот станет ловушкой.

Преследователь забеспокоился. Он не мог понять, почему жертва ломится прочь от двери. Повинуясь охотничьему инстинкту, поспешил следом. А я, зная о происходящем ещё меньше, двинулся ему навстречу, заранее выжимая на лице радостную улыбку.

– Семё-ё-ён! – заорал я на весь вагон и обхватил неизвестного за плечи. – Сколько лет! Как я рад!

Он ошалело уставился. Я надеялся, что играю обознавшегося дурачка достаточно хорошо.

– Мужчина, вы ошиблись! – первое удивление улетучилось за полсекунды. – Пропустите меня!

Мало, слишком быстро. Я продолжал играть.

– Да ты что, Сёма, не узнал? Это же я!

– Мужик, уйди с дороги, я тебе говорю! – уже с нотками агрессии в голосе вырывался незнакомец.

Поезд выкатился из туннеля на залитый светом перрон. Весь вагон глядел на нас, у многих сцена "обознатушек" вызвала невольные улыбки и усмешки. Но не у виновника инцидента. Тот со всё растущим беспокойством вытягивал шею, стараясь заглянуть мне за спину, не упустить из поля зрения свою цель.

Через секунду поезд остановится. Надо было что-то предпринять, но идей в голову не приходило. Оставалось только играть дальше, не выпадая из логики.

– Ну какой «мужик»? Что ты говоришь? Это же я, Вадим! Мы же с тобой в один детский сад...

Незнакомец так обалдело глянул на меня, что я понял: с детским садом перебор. Но руки не убрал. Наоборот, вцепился крепче в куртку и потянул к зашипевшим пневмозамками дверям:

– Слушай, а пойдём со мной? Я тут знаю место, посидим, вспомним детство...

– Отвали от меня! – рявкнул, не выдержав наконец, незнакомец. – Убери руки живо!

Он оттолкнулся от меня и сунул правую руку за пазуху. Всё, грань, понял я и примирительно поднял ладони, отступая.

– Да ладно, ладно, не горячись! Ну попутал малёха, с кем не бывает?

Мимо нас протискивались к выходу рассерженные неожиданным препятствием пассажиры. Незнакомец с удвоенной энергией полез им навстречу, напоследок бросив в мою сторону ещё один ненавидящий взгляд.

В торце вагона гулкобрякнуло. Послышался возглас: "Во дурак! Откуда у него ключи?" Я даже привстал на цыпочки, чтобы разобраться, что произошло. Но успел лишь увидеть, как из промежутка между вагонами на перрон спрыгнул человек в серой кофте с капюшоном и большими скачками скрылся за колоннами.

– Ыы! – Взвыл облапошенный преследователь, бросаясь назад, к дверям.

Правильно, откуда у него возьмутся ключи от торцевой двери? Хм, а откуда они взялись у Оболтуса?

– Сёма, ну что, вспомнил? – как дурак, я воссиял новой улыбкой и широко расставил руки для объятий.

– Пошёл вон с дороги, урод! – заорал незнакомец и выхватил пистолет.

"Макаров, девять миллиметров, восемь патронов в обойме", – отметил я. Испуг разыгрывать не было нужды, он получился естественным. Я послушно шатнулся вбок, освобождая проход.

Двери зашипели, закрываясь, но бандит одним прыжком оказался между створок. Извиваясь ужом, он протиснулся наружу и побежал по платформе. У машиниста моргнула индикация незакрывшихся дверей, он повторно нажал кнопку: приоткрыл и захлопнул ещё раз.

Когда вагон нагнал незнакомца, тот уже не бежал. Шёл, матерясь и запихивая пистолет в кобуру. Оболтуса поблизости не было видно. Разглядеть меня в ускоряющемся поезде бандит вряд ли бы смог, но проклятия, посылаемые вслед, я ощущал в тот момент почти физически.

* * *

– Ты понимаешь, что я тебя посажу? Ты хоть понимаешь, во что вляпался?

– Не-а, – ответил я, наивно хлопая ресницами.

Я и вправду не понимал.

– Ну ничего, ещё поймёшь! – заверил мужчина напротив и с преувеличенной брезгливостью бросил на стол мой паспорт. – Понаехали тут!

Переигрывает. Нет, кого попроще он бы вполне мог выбить из колеи этими цирковыми приёмчиками. Самый простой способ разговорить человека – цеплять его за эмоции. За страх, за совесть, за возмущение. Мужик явно тёртый, перебирает все варианты технично, быстро, не удивляясь промахам и не рефлексировав над ними впустую. Это я должен нервничать, а для него это рутина.

– Во-первых, вы так и не сказали, кто вы такой, – заметил я.

Нет, ну а с какой стати ему подыгрывать? У него работа, а мне рабочий день окончательно сорван. Уже битых два часа торчу в опорном пункте под замком, наручники впились в кожу, бок в районе печени ноет. Ещё и этот зуб снова разошёлся, будто и не лечили. И жрать охота – мочи нет, так что...

– Во-вторых, все граждане в нашей стране равны в правах, независимо от места прописки.

– Грамотный? – притворно "купился" собеседник и охотно начал развивать способ контакта через взаимный интерес. – Ты юрист что ли?

– Да, что-то вроде того.

– А кем работаешь?

"Сам-то ты опять от этого вопроса увильнул", – подумал я.

– Консультант в юридической фирме.

– Адвокат, что ли?

– Почти. Консультант в службе рисков. Проверяю документы на достоверность, нахожу поддельные «оригиналы» и переделанные копии. Собеседования провожу, оцениваю клиентов на добропорядочность. Выявляю шулеров. Некоторые люди, знаете ли, любят пудрить окружающим мозги. А вы?..

Он едва успел метнуть в меня возмущенный взгляд, но я тут же добавил:

– ...кем работаете?

Мужчина снова взял со стола мой паспорт, покрутил в руках, раскрыл на странице с фотографией. У меня появилась уверенность, что он и без повторного изучения помнит все записи в моём документе, до последней цифры. Просто обдумывает услышанное, тянет время. Но имя и должность упорно не говорит, а это может быть плохим знаком. Потому что, чем дальше, тем меньше он похож на полицейского.

Нет ни капли сомнения, что задержали меня настоящие полицейские. И опорный пункт тоже самый настоящий, прямо на выходе со станции. Я мимо него дважды в день прохожу, пять раз в неделю. Остановили, проверили документы и скрутили, наподдав чуток для профилактики, – это было настоящим, по всем правилам. А вот дальше...

Собеседник играл грамотно, красиво, профессионально. То давил криком, то угрожал тюрьмой, то уверял, что и так всё знает, но моё признание ещё пока может облегчить ситуацию... Но он с самого начала забыл напугать меня своей страшной должностью, типа старшего следователя по особо важным делам.

Потом, он ни разу не попытался завалить меня номерами статей из кодексов, которые я нарушил. А так бывает, когда должность у спрашивающего совсем не страшная, а статей закона он не помнит. Или не знает. Не знать статьи, которыми следователь должен по три раза оперировать каждый день, можно только в одном случае, если это вовсе не твои статьи, твой круг интересов совершенно в иной сфере.

Короче, через пятнадцать минут после знакомства я почти уверился, что это не полицейский. Билась эта уверенность только о навыки собеседника профессионально вытягивать информацию. Он явно был неплохим психологом и хорошо осведомленным... Кем?

– Своими действиями, – теперь его голос был ровный, спокойный, предназначенный для давления на людей, не поддающихся эмоциям, – вы сегодня способствовали побегу особо опасного преступника. Террориста.

Ох, даже так?

– Да-да, именно так!

Ну вот, даже не понадобилось произносить вопрос вслух. Пропустил я случайно удивление на своё лицо, выдал эмоцию.

– И ваш поступок может иметь очень тяжкие последствия для всего человечества.

Я облегчённо выдохнул, а он и эту эмоцию тоже считал. В усталых глазах мелькнуло раздражение. Да уж, зря ввернул про человечество. В беду для города я бы поверил, в угрозу стране – возможно. Но Оболтус как террорист международного масштаба?

– Вам стоило бы остановиться на версии про вора-карманника. Правда. Звучало бы правдоподобно. А будь Об... об этом речь, о терроризме, со мной тут беседовали бы по-другому и совершенно другие люди. Кстати, кто вы такой, вы опять не сказали.

– Вы сорвали задержание опасного преступника, – снова попытался он.

– Опасных преступников не задерживают в метро, силами одного опера. Да при куче посторонних, которых он элементарно мог подстрелить в случае чего!

Ух ты. А что в моих словах было такого удивительного, от чего он вопросительно вскинул брови? Не подавить ли мне немного в этом направлении?

– Представьте себе, что могло случиться, если бы этот ваш... преступник тоже был вооружен? Перестрелка в вагоне метро! Завтра... нет, уже сегодня все газеты трубили бы про такое ЧП.

Мужчина мрачно разглядывал столешницу, постукивая по её краю моим паспортом. Получается, он детально знал обо всём, что произошло в поезде между мной и Оболтусом, но не был поставлен в известность о действиях сотрудника полиции? Да как такое возможно?

– А этот человек, – наконец произнес мой собеседник, – Он что, действительно... был вооружен?

– Да откуда я знаю? Подошёл ко мне человек, попросил о помощи. Кто он такой, я даже спросить не успел. Ваш этот... сотрудник... Сперва вёл себя как киллер из дешёвого боевика, а потом и того лучше, начал орать и размахивать пистолетом.

– Понятно, – вздохнул мужчина. – И вы не можете сказать нам, куда потом делся ваш попутчик? Где его искать?

– Ну разумеется! Я даже имени его не знаю. Раз-другой видел в поезде, не более того. Возможно, он ездит по этой ветке регулярно. Попробуйте поискать утром на конечных станциях, в конце концов.

Стоп. А с чего бы это я им информацию выкладываю? На какую уловку я повёлся, что даже советы даю?

Собеседник подождал пару минут, но я с досады даже прикусил язык зубами. Не дождавшись продолжения, он снова вздохнул.

– Семёнов! Мы закончили!

В комнату заглянул один из сержантов, что выкручивал мне руки у эскалатора.

– Успешно, товарищ майор?

– Нормально, – не стал детализировать "майор". – Оформи ему, я не знаю, хулиганку или что у вас там. И отпусти.

"Я не знаю"? "Что у ВАС там"? Да какой из тебя майор?

– Уважаемые, вы ничего не путаете? Хулиганку? Мне? За то, что я предотвратил стрельбу в толпе и не сдал вашего беспределыщика особистам? Он нарушил половину закона "О полиции" разом. Хотя десятой, двенадцатой и пятнадцатой статьи достаточно, чтобы гнать его из органов с волчьим билетом!

Ноль реакции. Будь этот майор настоящим, моментально возник бы спор, потому что я перечислил статьи невпопад. Не заметить такой прокол мог только человек, вообще не имеющий отношения к полиции. А "майор" – не заметил. Поэтому я уже без всякой опаски продолжил спектакль. Поднял ладони и потряс наручниками:

– Я как минимум рассчитываю на справку! Для начальника, что меня привлекли для помощи следствию, а не как бандита. Ну и на ваши извинения, товарищ майор. Вы мне, кстати, так и не назвали свою фамилию и должность!

Сержант очень удивился такой отповеди и вопросительно посмотрел на "майора". Но тот только поморщился и отрицательно покачал головой.

– Ладно, отпусти его. Так. Я поеду, мне ещё перед директором отчитываться.

Перед директором? Хмм... Где это у нас командиров называют директорами? В ФСБ что ли?

Он шагнул за дверь, сразу же остановился, поднял к груди кулаки и зашипел злобно. В проёме я мельком заметил давешнего оперативника, тот поспешил убраться с дороги "майора", поэтому скрылся и у меня с обзора тоже. Дверь прикрыли, но я ещё различил в потоке неразборчивой ругани слова "оружие", "прилюдно" и почему-то "хартия". Наверное, имелось в виду что-то другое, а я не расслышал.

Потом прозвучали несколько слов невнятно, другим голосом. Эти попытки оправдаться были прерваны чем-то вроде "дурака кусок" и "в улитку превратит", затем всё стихло.

Сержант тем временем подошёл к столу и положил руку на резиновую дубинку.

– Ну что, пошли? Выпишу тебе...

Я напрягся.

– ...справку для начальника, – закончил шутник-самоучка и звякнул ключами от наручников.

* * *

Такой день не мог закончиться хорошо. Любой другой, но не этот. Я бы очень удивился, узнав, что за время моего отсутствия в офисе не случилась ещё парочка каких-нибудь гадостей.

И совсем я не удивился, встретив в дверях лично шефа. Здание большое, поток клерков из разных фирмочек бесконечный, но меня это не спасло. Шеф оказался на моем пути именно в этот момент. Выделил меня в потоке, немигающим взглядом удава подтянул к себе.

Я пытался оправдываться прямо на месте, видя неважное настроение начальника. Когда он в таком состоянии, аргументы лучше не откладывать на потом. Потому что он относится к типу людей, всегда уверенных в своей правоте, а как следствие – делающих поспешные выводы на основании первых впечатлений, и никогда их не меняющих.

С такими руководителями очень легко уживаются подхалимы и, как бы выразиться помягче, беспринципные карьеристы. Главное, быть всегда начеку и успевать первым изложить своё видение по любому поводу. Начальник примет твою точку зрения, а любую попытку переубедить расценит как покушение на его авторитет. Со всеми вытекающими.

Такие истории в нашей фирме уже случались, это закономерно в любом большом коллективе. Я их, разумеется, отметил и проанализировал. Извлекать личную пользу – это ниже моего достоинства, однако же в экстремальных ситуациях, подобных сегодняшней, я данное обстоятельство учитывал.

Но кажется, на этот раз я опоздал. Шеф уже успел надумать себе, потому что на мои слова, подкрепленные чеком из клиники и справкой из полиции, отреагировал с язвительным сарказмом. Предложил повесить "эти бумажки" в рамочке на стене кабинета, вместо диплома юриста. А также велел явиться в его кабинет ровно через пятнадцать минут. Ему, дескать, требуется время, чтобы проводить этих двух господ, моих, между прочим, клиентов. Которым было назначено на сегодня, но я нашёл, видимо, занятие более важное, чем работа над новым контрактом.

Чёрт, чёрт, чёрт! У меня ведь, действительно, было назначено. С утренними посетителями я передоговорился, пока сидел в очереди к стоматологу, а с этими – не успел. Наручники и отобранный на время допроса телефон лишили такой возможности.

Дав шефу эти пятнадцать минут и надеясь, что он успеет остыть к моему появлению, я поднялся в офис. Главным образом, чтобы проверить, нет ли за мной ещё каких пропущенных хвостов, и выяснить у коллектива, к каким новым претензиям надо подготовиться.

Планировка нашего бюро изначально задумывалась в модном стиле "опенспейс". Это когда все столы расставлены в одном зале, а все сотрудники друг у друга на виду, и только директор имеет возможность в течение дня расслабиться за своей перегородкой, снять туфли и вытянуть ноги. Нам стоило больших трудов убедить руководство, что клиенты обращаются в фирму с конфиденциальными, очень чувствительными для себя и своего бизнеса вопросами. Многие из них не хотели бы обсуждать подробности при посторонних, даже если это сотрудники той же организации. Да что уж там, большинство не хотело бы даже быть замеченными на нашем этаже кем-либо из своих знакомых.

Идею открытой планировки в новом офисе шефу подкинул наш пиарщик – молодой креативный сотрудник, исполнявший функции рекламного агента, специалиста по связям с общественностью, ведению корпоративного сайта и страниц в соцсетях – всё в одном. Шеф пребывал в хорошем настроении и сказал, что ему идея нравится. Когда коллектив узнал об этом и взвыл, шеф отказываться от уже принятого решения... ну, вы поняли.

К счастью, пиарщик вскоре попался на воровстве рекламного бюджета, который он перечислял самому себе за работы, которые сам же потом и выполнял в своё рабочее время. Оставалось лишь немного дожать вопрос. И мы, хотя и остались сидеть все в одном зале, получили четыре изолированных переговорных комнаты, а также отдельное скромное помещение для отдыха.

Кивнув ребятам, корпевшим над мониторами в общем зале, я прошёл в комнату отдыха. Там был как раз тот, кто мне нужен. Секретарша шефа Светочка, юное существо с большими глазами, губами и всем остальным, что обычно бывает большим у секретарш пожилых самовлюбленных начальников. Достаточно красивая, чтобы вызывать зависть у владельцев соседних офисов, и достаточно умная, чтобы наш шеф постоянно замечал признаки этой зависти и приписывал их в заслугу своим качествам хорошего руководителя.

В отличие от многих, мне Светочка была интересна своей эрудицией, изрядной начитанностью и информированностью. Она досконально знала детали и причины всех событий в офисе, а порой и за его пределами. Только тот, кто сумел разглядеть под образом смазливой простушки истинную сущность Светочки, удостаивался правом считаться её другом – и пользоваться, не злоупотребляя, сопутствующими преимуществами.

– Привет, солнышко! – улыбнулся я, втыкая свою замызганную чашку в кофемашину.

– Привет! – ответная улыбка была не менее искренней, для посетителей и неприятных коллег Света использовала совершенно иную. – Ты что там натворил такое, шеф уже раз пять заходил, тебя спрашивал!

Я скривился.

– Да так, ничего особенного. Двух клиентов перенёс и ещё двоих кинул с консультацией.

– Ого! Зря ты так. Кузнецов тебя на скрепки пустит.

Кузнецов – это наш зам по экономике, довольно мерзкий склочный тип, но вполне на своём месте. Обосновать баснословную цену контракта или выбить последний рубль из должника он умел как никто другой.

– А ему-то какое дело? Там работа только началась, деньгами пока ещё и не пахнет.

– Ну, не знаю. Но он всё утро таскался за шефом хвостом.

– А, тогда ясно. Я всё думал, чего шеф такой взъерошенный из-за такой, в сущности, ерунды.

Светка подняла ладонь и пожала плечами, соглашаясь с очевидным. Кофе в другой её руке плеснулся. Она ойкнула, поспешно перехватила чашку обеими ладонями и осторожно понесла её к выходу. Уже у самой двери остановилась и предупредила:

– Ты бы, на самом деле, поаккуратнее с клиентами. Кузнецов только и ноет на каждом шагу, что денег нет. А шеф знать ничего не хочет, он наобещал своей новой пассии Испанию на праздники.

– Погоди, какую Испанию? Он же у нас невыездной? У него ведь суд по алиментам?

– Ты просто не видел эту новую любовь, – фыркнула Светка. – Такая может из мужика в пустыне Гоби лёд для коктейля выдавить. Ради неё шеф приставам всё до копейки выплатил, поэтому теперь так за деньги переживает. Он скорее тебя оставит без бонусов, а то и без зарплаты, чем заднюю включит.

Я вздохнул, вынул из аппарата полную чашку и последовал за Светкой к своему рабочему месту.

Как и следовало ожидать, шеф не выдержал пятнадцати минут, сам пришёл ко мне через десять. Я краем глаза видел его приближение, заранее заведённого, готовящего в мыслях разнос, но вида не подал. Когда он прибыл и упёрся пузом в стол, я продолжал, стоя к нему спиной, вешать на стену деревянную рамочку.

– Ты чем тут занимаешься? – гневно спросил наш герой-любовник.

– Ваше поручение выполняю, Сергей Иванович!

Я отступил вбок, поворачиваясь и давая разглядеть стену. В рамке, украшавшей раньше мой диплом, теперь гордо белела справка из отдела полиции на метрополитене. Чек от стоматолога скромно притулился рядом в уголке.

– Вот, всё, как вы велели.

– Стожар, ты что, совсем больной?!

Готово, первый эффект достигнут. Шеф пошёл пунцовыми пятнами. Речь, которую он мне заготовил, вылетела из головы вместе с паром, разрывавшим сейчас этот котелок. Теперь важно не дать ему вспомнить, зачем приходил.

– Сергей Иванович, да не беспокойтесь вы так насчёт клиентов. Всех дожду. Утренних уже переписал, встречаюсь с ними вечером в семь, на их территории. И там всё чисто, их досье я проверил, с понедельника можно будет спокойно работать.

Шеф не умел так быстро переключаться между темами. Я успешно вышиб из его головы все предыдущие события дня, а теперь заливал нужную мне информацию.

– Кстати, двух последних посетителей, с которыми вы общались. Там не всё так просто, есть у меня некоторые подозрения. Предлагаю их пару недель помариновать, а я пока проверю их материалы основательно.

– Мдэ? – шеф недовольно поднял бровь.

– А иначе они нас кинут на деньги, – объяснил я максимально доходчиво, не вдаваясь в ненужные сейчас подробности.

– Деньги, – пробормотал шеф. – Деньги нам сейчас очень нужны, факт. Хозяин сказал, что вкладываться в нас больше не намерен. Он теперь наоборот, ждёт от нас роста доходности. А мы что?

– А мы, Сергей Иванович, если тысяч двести потеряем, доходности больше не станет. Этих двоих надо проверять, факт.

– Ну что ж, проверяй, проверяй. Но не две недели же? Пять дней тебе. В понедельник чтобы доложил.

Я тяжело вздохнул. Пожалуй, даже слишком тяжело. Но шеф намёк понял.

– А вот не надо было день рабочий терять на всякую ерунду! Деньги тебе, между прочим, я плачу! А не ОВД на метрополитене. Если ещё хоть одну встречу сорвёшь, лишу премии!

Это нормально. Нужно было дать ему повод для критики. Теперь он и мою версию принял, и вроде как свою задачу выполнил.

Тут я заметил на лестнице Кузнецова. Вот только его тут сейчас не хватало. Больше всего на свете ненавижу эти заспинные нашёптывания и исподтишка подгавкивания.

– Кстати, Иван Степанович, насчёт премии!

– Мдэ? – бровь начальника недовольно поползла вверх.

– Как вы относитесь к Испании?

Вторая бровь от удивления догнала и перегнала первую.

– Дело в чём, я давно хотел туда попасть, и даже недавно вот решился, тур купил на двоих, на праздники. А с деньгами не рассчитал, кредит просрочил. Может, уже и не пропустят на границе. Вот и думаю, а вы не хотите съездить? Тур достойный, бюро солидное, они бы ещё и скидку бы вам сделали. Как?

Надо же, я впопыхах сумел в одну фразу вложить оба логических крючка: на схожесть проблем и на сочувствие. Неужели не заглотит?

– Солидное, говоришь, агентство? Возможно, возможно. А знаешь, Стожар, мысль неплохая, факт. Ты мне вот что, телефончик их скинь эсэмэсочкой, я подумаю. Если достойно и скидку сделают, я подумаю. Но ты, если сейчас же за работу не возьмёшься, никакая Испания тебе не поможет. В понедельник жду доклада, не дожмешь клиента – лишу премии, факт!

Довольный собой, он отправился в сторону кабинета и на полпути столкнулся с Кузнецовым. Тот метал в мою сторону мрачные взгляды и тряс пачкой документов, но шеф безразлично отмахнулся. Он не любил менять принятых решений.

Я в душе крыл это кислое болото витиеватыми матерными выражениями. Но перехватил несколько взглядов и подмигнул разочарованным коллегам, которые зря полдня предвкушали моё расчленение и поедание сырым. Достав из кармана телефон, я пошёл в курилку, на ходу набирая номер.

– Мишка, привет! Помнишь, ты мне обещал Турцию в июне по цене февраля, если я тебе ещё одного клиента в Европу сосватаю? Ну танцуй, тебе сегодня позвонит человек от меня, и ты продашь ему два билета в Испанию. Только не борзей, я тебя умоляю! Начни с горящих, разогрей, потом намекни, что есть эксклюзивные варианты с большой скидкой. А когда он припрется к тебе лично со своей madame, тут уж можешь доить по полной программе...

* * *

Прошла неделя, заканчивалась вторая, а мне так и не удалось больше увидеться с Оболтусом. Я менял вагоны, каждое утро обследовал один за другим по несколько поездов – мой знакомец как в воду канул. Залёг на дно. Я очень надеялся, что не в буквальном, а только в фигуральном смысле.

На работе тем временем поток документов и посетителей не уменьшался, и вскоре коллеги уже стали прямо отмечать мою нервозность, напряжение и даже резкость в общении с клиентами. Это было недопустимо и непрофессионально, и я это понимал. Так что решил на некоторое время завязать с дальнейшими поисками.

Тут ещё шеф со свойственной ему тактичностью заявил, что в следующем месяце выплатит мне голый оклад, если я ещё раз позволю себе опоздать утром хотя бы на десять минут. Я позволил себе ответить непрофессионально резко, после чего угроза остаться на бобах из вербально-теоретической перешла в разряд самой что ни на есть ожидаемой. Это не считая обидных замечаний, что таких разгильдяев, как Евгений Стожар, "пруд пруди в базарный день, замену быстро найдём".

В общем, охотиться за призраком я перестал. Попытался снова стать серьезным рациональным юристом, каким был весь последний год. И вроде бы у меня снова это стало неплохо получаться, но тут же начались проблемы иного рода.

Мне стала повсюду мерещиться слежка. Я чувствовал липкие взгляды на спине, ощущал позвоночником постоянное присутствие опасности даже в самых людных открытых местах. Я пытался подглядывать исподтишка или резко обернуться. Без толку. Ни одного человека, интересующегося моей персоной, заметить не удавалось.

Состояние постоянной угрозы, ежедневный стресс постепенно подрывали мою психику. Я стал нервным, рассеянным и был вынужден обратиться к докторам. Врач выписал успокоительное и провел со мной пару бесед, на некоторое время развеяв страхи, убедив в абсурдности тревоги.

То ли это помогло, то ли общая накопившаяся усталость, а может – сеансы пятничной терапии в компании старого армейского приятеля Лёшки Смыслова и его крафтовых нефилтрованных лекарств... В общем, восприятие моё постепенно притупилось и страхи отступили на добрых три дня. Ближе к следующим выходным я чувствовал себя настолько спокойно, что впервые справился со всем объемом запланированной работы и даже заработал похвалу от шефа за встречу с перспективным клиентом, назначенную на вечер в нерабочей обстановке.

Но в пятницу случился рецидив. Провозиться с бумагами пришлось почти до восьми. Работа не клеилась. Настроения, сами понимаете, не было и в помине. Бросил бы всё раньше, но клиенты, с которыми обещал встретиться во что бы то ни стало, дважды звонили и сдвигали время. В итоге я прождал их почти до девяти, а когда мы закончили – шёл одиннадцатый час. Домой я мог рассчитывать попасть только к полуночи.

Кафе, где проходила встреча, располагалось возле их офиса на Шаболовке. Поэтому теперь, чтобы попасть на мою "домашнюю" ветку метро, надо было сделать две пересадки. Сначала доехать до Октябрьской, перейти на кольцевую. Проехать ещё два перегона, на Киевской снова пересесть на радиальную и ехать уже по прямой до самого дома.

Раньше, когда про метро я только слышал в новостях, такой маршрут заставил бы меня просидеть над картой города добрую четверть часа. Поэтому одной из первых целей, что я поставил себе после переезда в столицу, было изучение транспортной схемы.

Удивительно, но многие местные жители не знают про своё метро самых простых вещей. Сколько выходов у самых крупных пересадочных станций? Сколько остановок делает поезд на оранжевой линии? Или даже – какая станция следует после Тушинской, если ехать из центра?

Большинство пассажиров хорошо помнят только те участки метро, по которым катаются каждый день. Остальное им не интересно, потому что они могут в любой момент посмотреть схему или построить маршрут у себя в телефоне. Мне не по душе такая зависимость от гаджетов, я люблю быстрый расчет и уверенность даже в мелочах. Поэтому заучил схему метрополитена наизусть, могу в уме построить маршрут из любой точки города. И даже буду представлять время поездки.

Ладно, я опять отвлекся. Вернёмся к тому вечеру. Несмотря на позднее время, народу в вагонах оказалось полно. Пятница – не простой будний день, в пятницу многие вечером не торопятся разъехаться по своим спальным кварталам, добровольным гетто. Большие компании и маленькие группки москвичей выбирают в центр, гуляют, отмечают конец рабочей недели.

А потом возвращаются с наступлением темноты подшофе. Так что в пятницу вечером траффик в метро совсем не такой, как во вторник или даже в четверг.

Так вот, пока я не добрался до Киевской, вагоны были полны и сесть мне не удавалось. Спать я ещё не хотел, но усталость чувствовал сильно. Так у многих бывает под вечер, если день пошёл не по плану, пришлось помотаться по городу больше обычного. Но спать, повторю, я не хотел. До последнего перехода оставался вполне бодрячком. А значит, неладное я должен был почувствовать гораздо раньше. Просто обязан был! Но не почувствовал.

Тех двоих за спиной я заметил, только когда поднимался на эскалаторе в зал радиальной линии. Обернулся случайно.

Они были очень похожи. Не братья-близнецы, но как минимум земляки. Смуглые, плохо выбритые, со светлыми пятнами на широких скулах. Такие пятна бывают у людей, много времени проводящих на солнце, когда они отращивают пышные бороды. Сбреешь бороду, а под ней оказывается бледная кожа.

Ещё у них были длинные темные волосы, забранные на затылке в хвостики. И, пожалуй, всё. Всем остальным, от телосложения до одежды, они отличались, только пятнистые подбородки и конские хвосты кричали, что это люди из одной среды, возможно – близкие родственники.

Эскалатор в переходе с Киевской-кольцевой на синюю ветку короткий, один из самых маленьких во всем московском метро. Разглядывать на нём кого-нибудь подробно нет времени, иначе можно растянуться на холодном мраморном полу. Да и повода не было задерживаться: мало ли в метро ездит самых разных людей? Откуда уверенность, что эти двое следуют непременно за мной?

Так что я спокойно сошёл с эскалатора и прошагал в людском потоке до первой колонны. Только там, заходя за угол, бросил взгляд назад. Незнакомцев за спиной не было.

По коже побежали мурашки. Они что, заметили мой взгляд? Поняли, что я подозреваю слежку, и спрятались? А куда? Как можно спрятаться на движущемся эскалаторе? Убежать вниз, расталкивая поток людей? Представляю, какой гвалт стоял бы тогда на ступенях.

Может, они наоборот, ускорились? Стоят теперь рядом со мной, позади этой колонны? Нет, проходящие мимо люди всегда выдают тех, кто ведёт себя неадекватно. Прохожие непременно упирались бы взглядами в прячущуюся парочку, поворачивали бы головы. Но никто, ни один человек не заметил ничего странного. И вот это реально пугало!

Постояв для верности еще полминуты, но так и не дождавшись, чтобы эскалатор вывез наверх кого-нибудь знакомого или подозрительного, я потребовал у мозга прекратить панику. Похоже, проблема выдумана на пустом месте, у меня просто разыгралось воображение. Но на всякий случай...

Поезд прибывал справа, а я свернул налево, к середине станции. Прошёл одну колонну, вторую. Шел специально медленно. Посадка подходила к концу, перрон быстро пустел, а я не таился, открыто озирался в поисках чего-нибудь странного. Нет, никого и ничего. Преследователей с конскими хвостами на голове – нет.

Просто мне надо успокоиться. Поехать домой, отдохнуть, принять десять граммов вальерьяночки. Или десять по десять коньячку.

Краем сознания я отметил, что стою сейчас как раз напротив того места, где утром выпрыгнул из поезда Оболтус. Но отвлекаться на это было некогда, голова занята другим. Над дверями вагонов уже мигали красные лампочки, а робот забубнил своё "Осторожно!..."

Я быстро шагнул к краю платформы. Оставалось лишь вскочить в вагон и, если успею, обернуться в последний раз. И тут навстречу из вагона выметнулась человеческая фигура.

"Сбереги это!" – услышал я, одновременно получая резкий удар плечом. Не упал только потому, что Оболтус придержал меня обеими руками. "Ой, простите!" – воскликнул он громко, а сам уверенным сильным движением затолкнул меня в шипящие пневматикой двери.

Я смотрел на него сквозь стекло, соображая, что это сейчас было. А Оболтус продолжал делать вид, что знает меня не знает. Его озабоченный взгляд был направлен в другую сторону, в конец платформы, которого я изнутри поезда видеть не мог.

Мне не надо было видеть, я и так уже понял, в чём дело. Ещё до того, как Оболтус бросился бежать между массивными призмами-пилонами светлого мрамора, а вслед за ним пронеслись двое мужчин, похожих, как родственники, даже с одинаковыми причёсками в виде конских хвостов.

Поезд втянулся в туннель, с каждым метром ускоряя перестук колёс. Мой мозг под воздействием новой ударной дозы адреналина работал с тройным ускорением, анализируя случившееся и раскладывая всё по логическим полочкам.

Первое: преследователи всё-таки были реальны.

Второе: они могут прятаться от чужих глаз на пустом месте. Это невозможно, но они могут.

Третье: Оболтус поджидал меня на этой станции. Это невозможно, сидя в поезде, а не на перроне, но он смог.

И четвертое. Тем двоим, выглядящим гораздо более опасными, нежели незадачливый мент в штатском, Оболтус показался более важным, чем я. Причём, Оболтус знал это, но все равно подставился, отвлёк на себя.

Что это, благодарность за спасение? А смысл? Я не представляю ценности для преследователей. В отделении я это вполне убедительно доказал. Эти двое не имеют отношения к полиции? Тогда кто они и зачем?..

Что-то мешало нормально стоять, занимало руки. Я оторвал глаза от окна, в котором не было уже видно ничего, кроме мелькающих бетонных плит. В ладонях у меня оказался средних размеров полиэтиленовый пакет. Мягкий, словно набитый одеждой. Тот самый, из которого Оболтус доставал иногда свой шарфик.

"Сбереги это!" – так он сказал? Сберечь кулёк со шмотьём? Серьёзно?

Я оглядел полупустой вагон и поймал на себе пару заинтересованных взглядов. Да уж, наверное, я веду себя странно. Надо присесть и всё тщательно обдумать. Места свободные наконец-то есть, в связи с чем – прими слова искренней благодарности, богиня удачи. Ты вовремя вспомнила обо мне и соизволила подсластить испорченный день.

Так я подумал и совершил большую, почти фатальную ошибку. Плюхнулся на сиденье – и почти мгновенно заснул.

ХВОСТЫ

– Да ты видела его. Такой бритый, наглый, тупой и вечно в спортивных штанах. Ну как эти у нас, первокурсники с юридического факультета.

*– Да поняла я, поняла. У меня мама таких называет "шакалатье".
Через два "а".*

Подслушано в метро.

Спал я очень крепко. Настолько, что едва не прозевал свою станцию. Разбудил меня голос из динамиков, требующий покинуть вагон, а ещё внезапная тишина и погасший свет.

И то, не разбудили. Вывели в такое состояние полусна, когда реальность воспринимается отстраненно, кажется очень замедленной, а все события окружающего мира как бы не касаются тебя, не требуют реакции тела.

Надо проснуться. Надо выйти из вагона. Я ведь упоминал, что езжу со станции подброса, где поезда высаживают всех пассажиров, чтобы поехать в обратном направлении? Если я не проснусь и не выйду, уеду в пустом поезде как минимум в депо. А это как минимум штраф.

Я принялся бороться со сном. Получалось плохо. Открыть глаза по-прежнему не мог, но приложенные усилия заставили голову немного проясниться. Мысль заработала чётче.

Теперь меня волновало сразу три вещи. Первое: почему я не могу окончательно проснуться? Второе: почему никто из попутчиков не разбудил меня, они ведь видели, что я остаюсь в вагоне? И третье: кто сидит рядом со мной и всё настойчивее тянет из моих рук пакет?

Пакет! Испуг пробежал по венам, приводя тело в боевую готовность. По-прежнему не открывая глаз, я напряг пальцы, стиснув свою ношу.

– Что ты копаешься? – послышался слева шёпот, разящий нетерпением. – Двери сейчас закроются!

– Не выходит. Он вцепился в этот чёртов пакет, не вытащить! – ответил шёпот справа.

Второй человек сидел очень близко. Прикасался ко мне, беспомощному. В моем полу-сонном сознании вскипал страх.

– А он точно спит? – спросил первый.

– Вроде спит. Усыплял-то ты, чего меня спрашиваешь?

– Да уже наплевать! Рви и бежим!

Чьи-то руки снова легли на пакет и попытались ухватить покрепче перед рывком. Я крутанулся всем корпусом, вскочил с сиденья и открыл глаза.

– Он не спит! – вскрикнул голос слева, из пустоты вагона.

– Хватай пакет! – ответил ему голос справа.

Я обернулся. Справа тоже было пусто. Только тычок в спину, нанесенный со всей силы сразу двумя руками, убедил меня, что говорившие настолько же реальны, как и их голоса.

Я растянулся на полу, больно врезавшись головой в поручень, а плечом – в каркас сиденья. Сна больше не было ни в одном глазу, а вот страх просто зашкаливал. Хотелось заорать, но боль и паника не позволяли набрать в грудь достаточно воздуха.

Дальше события происходили быстро, почти одновременно. Зашипели закрывающиеся двери, невидимый человек упёрся мне в бок ботинком и наклонился, обдав запахом табака, а я наугад лягнул воздух, вложив в удар весь свой страх и весь свой вес.

Пустота оказалась сначала мягкой, а дальше, по мере продвижения каблука, упругой и твердой. А ещё, она оказалась способна выть, словно самец гориллы, промахнувшийся в

прыжке мимо ветки и налетевший на неё самым дорогим. Похоже, мой удар нанес схожие повреждения.

Поезд дёрнул, начал движение. Около меня раздался звук падающего тела и истошная ругань на незнакомом языке.

Второй невидимка тоже ругался, но в его голосе преобладали интонации досады и раздражения. Голос выдал его приближение, я снова лягнул, но чуть менее успешно. Попал ребром подошвы по жёсткому, в голень или под коленку.

Интонации голосов сравнялись. Тот, кому было менее больно, прошипел: "Буня, кончай его!" Вот это был, как мне показалось, совсем плохой знак. Я задёргался, заёрзал спиной по полу и предпринял попытку встать. Мою голень обхватила рука, и я тут же сбросил её резким ударом, словно увидел на штанине огромного паука.

Что я видел на самом деле, а что было только плодом истеряющего воображения, теперь уже не скажу. Может, действительно, невидимки отвлеклись и оттого стали чуть менее невидимыми. Может, на них при падении налипла грязь с пола. А может, мой мозг дорисовал всё, чего не мог разглядеть. В общем, я скорее угадал, чем действительно увидел занесенную надо мной руку. В этой руке, в том месте, где должен был заканчиваться кулак, блеснуло острое, но тоже невидимое.

Сработал рефлекс. В части мы не одну тысячу раз повторяли с инструктором по боевой подготовке этот приём. Защита часового от нападения с холодным оружием. Блок, проворот, захват, удар, бросок. Затрещала рвущаяся ткань, что-то хрустнуло, невидимые ноги гулко ударились пятками о пол, а звук падения тела заглушило громкое: "Хэк!" – когда из лёгких у убийцы вышибло воздух. В дальнем углу вагона звякнул металл.

В тот же момент на меня навалилось тяжелое, дышащее перегаром. Второй невидимка очухался и повис на моих плечах, обхватив руки. Я метнулся в одну сторону, в другую, но вырваться не смог. Кое-как изловчился и вдавил своё тело в нишу между поручнем и углом вагона. Нападающий оказался зажат, но хватки не ослабил.

– Дибя, бей!

– Он мне руку сломал! – отозвался голос поднимающегося с пола человека.

– Королева нас обоих ломает! Помогай, туннель кончается! – рычал сквозь зубы тот, что висел на моей спине.

Я почувствовал, как ещё одно тело придавило меня спереди. На шее сомкнулись пальцы. С одной стороны слабые, с другой – уверенные, грубые, знающие своё дело пальцы убийцы. Я в ответ вцепился своими пальцами в него, но ухватил только пряжку ремня и полу куртки. Дёрнул ногой, затем попробовал упасть на пол. Невидимки сдавили меня, и я повис в воздухе, вяло болтая конечностями.

Пульс долбил в висках всё медленнее. Грудь разрывало желание дышать, а мозг – осознание, что вот он, пожалуй, и конец.

Поезд выкатился на свет. Это была незнакомая мне техническая платформа, скромно отделанная простым дешевым кафелем. В глазах быстро темнело, но я ещё успел заметить, что по лестнице на перрон выбегают какие-то люди. Они тычут в мою сторону пальцами, размахивают оружием и что-то кричат, а потом кидаются вдогонку за нашим вагоном.

– Засада! – оглушительно рявкнул прямо в мозг голос невидимки.

– Валим, быстро! – прогрехотал второй.

Тут свет окончательно померк, а вместе с ним исчез и вагон, и станция, и боль в горле, и проклятые невидимки.

* * *

Допрашивал меня всё тот же знакомый "товарищ майор". Из-за этого вышла неловкая пауза, он никак не мог вспомнить, кем представился мне при первой встрече. Я уже хотел сдаться и свести всё в шутку, не в состоянии был заново начинать пикировку, но тут из другого конца вагона позвали:

– Виктор Петрович! Тут в трёх местах следы крови. Все пробы брать?

Ну, вот и познакомились. Пусть будет Виктор Петрович.

– Это моя кровь, скорее всего, – пояснил я. – Они меня ножом ткнули и головой я приложился сильно.

– Снимай со всех мест, авось повезет! – прокричал в ответ коллеге "майор".

Сейчас он гораздо больше напоминал полицейского. И в немалом чине, потому что по первому его слову поезд сняли с маршрута и отогнали в депо. Там уже ждала группа экспертов, которые немедленно начали осмотр места происшествия. А Виктор Петрович усадил меня в уголке и принялся выжимать всё до капли, что сохранилось в моей полуживой голове.

– И куда они в результате делись? Из пустого вагона на пустой станции? Почему их никто не видел?

– Может, потому, что они были невидимые? Я вроде говорил об этом, раз сто примерно.

– Голову вам надо обязательно проверить, это я тоже уже говорил. Давайте пока исходить из вещей реальных, объективных.

– Не получится! – я тряхнул головой и охнул, под бинтом на затылке запульсировала боль. – Никак не выйдет здесь с реальностью и объективностью.

– Почему? – Например, потому, что эти двое перед нападением следили за мной на Киевской. Потом я прыгнул в вагон и уехал, а они остались. Вы знаете способ догнать поезд, идущий из центра вечером в пятницу, при забитых пробками наглухо дорогах? Либо этих двоих ждал на Киевском вокзале реактивный истребитель, либо здесь реальностью даже не пахнет.

Собеседник задумался.

– А как вы узнали, что они за вами следят, невидимые?

– Нет, тогда они ещё были видимые.

– В таком случае, как вы узнали, что нападавшие на вас невидимые – это те самые, бывшие видимые?

И в самом деле, откуда? Я не подвергал этот факт сомнению, я абсолютно уверен, что именно они. Но почему?

– Вот видите? – укоризненно продолжил "майор". – Наверняка и у всего остального найдется объяснение, если хорошо подумать. Например, если на вас напали сзади и сразу ударили по голове, вы и не могли бы тогда никого разглядеть!

Я вздохнул и принялся по десятому кругу рассказывать, что произошло в вагоне. Виктор Петрович опять слушал меня крайне внимательно, записывал каждую новую припомненную мной деталь, но вслух по-прежнему продолжал высказывать крайнее недоверие.

– Как, говорите, он сказал? Королева приказала?

– Нет, не приказала. Королева накажет, если не принесут пакет. Она их обоих ломает, он сказал, или как-то в этом роде.

– А что там было такое, в этом пакете? Что их интересовало?

– Без понятия. Я в него даже не заглядывал.

– Хммм... допустим. И что же, они забрали этот пакет?

– Ну откуда мне знать? Я вырубился до их ухода. Нет в вагоне пакета?

– Нет, – с грустью подтвердил "майор".

– Значит, забрали. Не мог он тоже стать невидимым?

Виктор Петрович задумался, озабоченно погрыз колпачок ручки, а потом махнул рукой, подзывая одного из сотрудников. Подошедшему белокурому парню зашептал на ухо. Я с без-

различным выражением лица прочёл по губам: "Ощупать руками каждый миллиметр. Буквально, руками! Есть шанс, что пакет ещё здесь, просто обесцвечен".

Вот так-то. И ты мне, "майор", будешь рассказывать про травму головы? Знаешь ты всё прекрасно, и про невидимок, и про пакет. Ваньку валяешь.

Полицейские отвернулись от меня, разобрать их дальнейший разговор стало невозможно. Тогда я решил не терять времени зря, воспользоваться моментом. Достал из кармана телефон и нашел в списке контактов нужный номер.

– Привет, Лёш! Извини, я по делу. Мне очень нужна твоя помощь!

Алексей Смыслов – мой старый знакомый и, возможно, единственный сейчас человек, имеющий реальную возможность выручить. Уж он-то действительно служит в полиции, именно в управлении на метрополитене. Поэтому я без сантиментов изложил свою просьбу.

– Даже не знаю, чем тебе помочь. Ты же знаешь, я не имею права сливать служебную информацию. Даже если ты пострадавший, все равно – посторонний.

– Подожди, Лёш, ты не так меня понял! Я не прошу стирать или воровать для меня эти записи. Я даже не прошу мне их показывать, если на то пошло. Но я вижу, что следователь этот что-то темнит. Если я прав, то боюсь, что потом вообще не смогу ничего доказать.

– Тогда чего ты хочешь?

– Чтобы ты просто снял копию и сохранил у себя. Хорошо бы, чтоб ты посмотрел это видео сам. Ты же имеешь доступ к системе видеонаблюдения, так что нарушением это не будет даже формально. И тогда ты сам примешь решение. А может, мне что-то дельное посоветуешь.

– Ещё раз, как фамилия того майора, который тебя допрашивал?

– Он не называет. Я знаю только имя и отчество. Виктор Петрович.

– Это всё очень странно. Ну, хорошо. Я не буду ничего обещать, но обязательно проверю и перезвоню.

– Спасибо. Жду звонка.

Я не успел нажать отбой, а "майор" уже стоял у меня за спиной.

– Надеюсь, вы никому не успели рассказать о случившемся?

– Нет ещё, – без раздумий соврал я. – А что, надо было?

– Я вас предупреждаю, никакую информацию отсюда нельзя разглашать. Тайна следствия!

– Разве уже возбуждено уголовное дело? Могу я, как потерпевшая сторона, узнать номер? И по какой статье?

Виктор Петрович посмотрел на меня всё так же невозмутимо, устало и как-то грустно.

– Дело ваше. Всё равно в вашу версию вряд ли кто поверит, скорее вызовут вам неотложку. Но вот нашу работу утечка информации может весьма осложнить. И тогда наши с вами дружеские взаимоотношения могут ухудшиться.

– А вы уверены, что говорите именно про наши взаимоотношения? Меня только что едва не отправили на тот свет, а вы обсмеяли мои показания и советовали проверить голову.

– Между прочим, я абсолютно искренне. И голову советую проверить, удар был сильным, возможно сотрясение. И руку тоже покажите врачу обязательно, не нравится мне ваша рана. Ножа мы, кстати, тоже не нашли.

– Понятно, забрали с собой эти... Боня и Диба.

– Как-как? Как вы их назвали?

– Боня и Диба. Я же вроде говорил. Или нет? Они так называли друг друга. Один другого – Боня, тот его – Диба.

– Буньип и Диббук! – встрял в разговор молодой белокурый полицейский. – Те два мигранта из ориентировки!

Мы с "майором" разом повернулись к нему и вытаращили глаза. Конечно, мы сделали это немного по-разному. Скажем, я бы при виде лица "майора" мгновенно прикусил язык. Но

парень был неопытный, он посчитал нашу мимику одинаково живым интересом к его информации, поэтому продолжил.

– Тогда проясняется их невидимость. Непонятно только, каким боком они в этом де...

Виктор Петрович шагнул к нему и пресёк этот поток красноречия, разве что ладонью рот не заткнул. Потом повернулся ко мне и театрально закатил глаза, как бы говоря: видите, с кем приходится работать?

– Поздновато уже, правда? – сказал он мне. – Вам бы домой пора. Отлежаться, отдохнуть. Может быть, вам машину организовать?

– Благодарю. Отсюда мне пешком быстрее будет.

– А, ну и славно. Но Михаил вас всё равно проводит. Травма головы, мало ли что. Проводишь, Михаил?

– Так точно! – отозвался полицейский.

– Вот и замечательно. Только давай отойдем на секунду, я тебя проинструктирую.

"Майор" утащил блондина в сторонку, шипя на ходу ему в ухо: "Только попробуй ещё хоть слово при нём!.." Я хмыкнул и повернулся к дверям.

Под ногойбрякнуло. Я посмотрел вниз – и ничего не увидел. Пошевелил носком туфли – снова услышал тихий металлический стук. Тогда, глянув тихонько на полицейских (им было не до меня), я присел и аккуратно поднял невидимый предмет. Лёгкий, тонкий, очень острый. Невидимый. Очень осторожно я сунул находку в карман.

– Вы готовы? Я вздрогнул. Возле меня стоял блондин и смотрел с волнением.

– Всё в порядке?

– Да-да, всё в порядке. – Виктор Петрович просил передать вам вот эту визитку. Если вы вдруг что-нибудь ещё вспомните...

– Я обязательно ему позвоню.

– Вот и славно! – обрадовался Михаил, и мне показалось, что он вдруг стал удивительно похож на своего начальника.

* * *

– Жень, ты во что меня втянул?

Смыслов даже не поздоровался при встрече, а сразу швырнул флэшку на стол передо мной.

– Я же тебе говорил? На меня в вагоне напали...

– Кто на тебя напал в вагоне и почему об этом нет ни строчки даже в журнале учёта информации о происшествиях – это второй мой вопрос, я его тебе позже задам. Сначала ответь на первый: во что, чёрт возьми, ты меня втянул?

Он выдернул стул из-под столика, плюхнулся в него и пояснил:

– За этим видео пришли ещё до того, как я закончил его копировать. Хорошо, что у нас в системе не отслеживается количество просмотров и снятых копий. Я успел экран переключить, сделал вид, что для себя что-то ищу. На минуту бы опоздал – и спалили б меня с твоим видео!

Я взял флэшку и покрутил в пальцах.

– Даже так? А ты прямо с утра туда зашёл?

– С какого утра? – он склонил голову и посмотрел так, словно объяснял сельскому дурачку устройство микросхемы. – Ты видишь, я в форме? В субботу? Я на сутках был. Сразу же после разговора с тобой пошёл запись искать. Минут пятнадцать прошло, максимум!

– Получается, они отправили туда своих людей задолго до моего звонка? Получается, они с самого начала понимали, что происшествие не обычное?

– Кто "они", Жень? Что это были за люди? Ты понимаешь, какого уровня полномочия должны быть, чтобы изъять видео из нашей базы? Не скопировать, Жень! А скинуть всю запись

по этому поезду, от конечной до конечной, и потом удалить оригинал с сервера без возможности восстановления!

Такого я не ожидал. Нет, я и невидимок не ожидал, и вообще события последних дней были из ряда вон, но чтобы так? Насколько же Виктор Петрович сотоварищи важные шишки, что могут позволить себе рыться в делах полиции, как у себя на кухне? И чтобы полиция знать не знала об их существовании?

– Честно, Лёш, я не хотел такой подставы. Понятия не имею, кто эти люди, и предположить боюсь. Думал, что это ты мне сейчас расскажешь. Посмеешься, назовешь мнительным балбесом и просветишь насчёт какого-то нового секретного следственного управления на Метрополитене, которое гоняется за пассажирами-невидимками...

Я подкрепил свои слова приглашающим жестом, подвинув на дальний край стола один из двух запотевших стаканов. Смыслов в ответ потянул себя за лацкан форменного кителя. Мне пришлось вернуть стакан на свою сторону.

– Ну извини, я тебя разочарую, – он указал на флэшку. – И вот, кстати, теперь самое время обсудить вопрос насчёт невидимок. Мне некогда было в деталях рассматривать запись, но я очень надеюсь, что ты сейчас подробно и крайне правдоподобно объяснишь, что за чертовщина там происходит.

Я невесело улыбнулся и достал из рюкзака ноутбук. Не дожидаясь, пока он включится, воткнул флэшку в разъём. Разворачивать экран не стал, и Алексей, скрипя ножками стула по кафелю, сам подвинулся ближе.

Когда видео запустилось, я не сразу понял, что там снято. Потом сориентировался: изображение шло разом с двух камер, расположенных в разных концах вагона. На правой половине экрана я, собственной персоной, сидел с закрытыми глазами среди других немногочисленных пассажиров. На левой не был виден, нужную часть вагона скрывали три широкие спины.

Вот поезд остановился, люди потянулись к выходу. Они вставали, даже задремавшие открывали глаза и спешно вскакивали. Одного уснувшего попутчики подёргали за рукав, не давая попасть в неприятную ситуацию. Но не меня! Я продолжал сидеть, привалившись головой к поручню. Пассажиры шли мимо меня, словно не замечая. Вагон почти опустел, осталась только одна фигура, стиснувшая в руках целлофановый пакет.

– Стоп! – скомандовал я сам себе и остановил запись. – Смотри!

Отмотав на три секунды, я начал покадрово листать изображение, специально для Алексея тыча пальцем в нужную часть экрана. Там пакет смялся сам собой и попытался выпасть из моих рук. Моё тело при этом всё так же не подавало признаков жизни.

– Не понимаю. Что там? – сказал Смыслов.

– Ну пакет. Ну вот же! – я ещё раз промотал запись назад и вперёд.

– Непонятно. Слишком мелкое изображение. Будто тень погуще легла.

– В пустом вагоне? – я раздражался его скептицизму. – Ну ладно, давай дальше.

Картинка снова поехала вперёд. На видео пакет сам собой шевельнулся раз, другой, и я признал, что в иной ситуации сам счёл бы это огрехом записи. Даже когда он заметно подпрыгнул вверх, это ничего не доказывало. Я мог бы и сам поднять свою ношу руками. Да, не открывая глаз. Зачем? А это другой вопрос.

Качество изображения резко ухудшилось. Машинист погасил свет, окончательно давая понять, что поезд не пойдёт по маршруту. Потом одну половину экрана перекрыла темная фигура – это мимо меня, едва не коснувшись ноги, прошёл работник метро. Даже не глянул в мою сторону! Вышел в противоположном конце вагона, убеждённый, что салон пуст.

– Как тебе это?

– Странно. Более чем, – согласился Смыслов.

– А вот теперь смотри внимательно!

На экране я вскочил, озираясь по сторонам. Отмахнулся рукой, словно от страшного насекомого. Полетел кубарем. Дрыгнул ногой, вскочил, отпрыгнул. Всё так, как я и рассказывал "товарищу майору", но в то же время... На видео это больше походило на психический припадок, чем на реальную драку.

– Вот, вот сейчас они меня ножом ткнули! – Я невольно похлопал себя по плечу, где под курткой создавал небольшую припухлость слой бинтов.

– Но на записи этого не видно, – констатировал Смыслов.

– Нет. И то, как я делаю бросок через бедро...

– Технично, красиво, но выглядит как пантомима, – закончил он.

Оставались последние секунды записи. Поезд нёсся в тоннеле, на видео было почти черно. Моя фигура прекратила размахивать руками, теперь она просто дрыгалась, всё сильнее сползая к правому краю экрана.

За окнами посветлело – это состав выкатился на платформу. Но меня не было видно: ближняя камера не захватывала самый угол вагона, куда меня зажали невидимки. А на дальней, из противоположного конца, изображение оставалось слишком мелким и темным. Вот тебе и доказательства...

– Останови! – велел Лёшка.

Я мгновенно шевельнул пальцем, подчиняясь. На экране застыл всё тот же нечёткий интерьер вагона в двух ракурсах, нарушаемый только моим ботинком, зависшим в районе потолка.

– Вот! – Хмм... – я уставился на экран, немало озадаченный. – Тебя не впечатлило всё остальное, но почему-то заинтересовал именно этот момент?

– Конечно. Ты не видишь?

– Нет. Признаться, тут картинка ничуть не необычнее предыдущей.

– Это если не знать размеры вагона. Так попасть подошвой в кадр можно, только если встать под камерой на руки.

– На ходу? Я не цирковой.

– Не в этом дело. У нас же две камеры. На этой деталей не видно, зато положение тела можно различить.

– И о чём оно тебе говорит?

– Что ты три секунды провисел в воздухе параллельно потолку. А потом в таком же положении мигрировал к двери и завис в полуметре от пола. Не помогая себе руками!

Я прокрутил запись и убедился, что Смыслов прав, мои последние кульбиты напоминали кадры из "Матрицы". Более того, там даже угадывались два удара с размаха головой о стену вагона.

– Не совсем так я себе это представлял, но слава богу, что хоть тут ты мне веришь.

– Вообще-то мы не первый день знакомы, я тебе с самого начала и на слово поверил. Но тебе ведь не для меня доказательства требовались? Вот, ты их получил.

– В первую очередь, для себя. Всё никак не могу отделаться от мысли, что надо больше спать, меньше работать, а с алкоголем вообще завязывать.

– Переходи к нам на службу, и эта мысль станет твоей вечной несбывшейся мечтой.

– В органы? Ни за что. Мне дорога моя свобода.

– Ну и зря. Ты бы точно справился. С твоей наблюдательностью. Вон, даже фальшивого следователя на раз выявил.

– Кстати, о следователе! – Я крутнул запись дальше, ожидая появления в вагоне Виктора Петровича, но изображение застыло, как только моё тело рухнуло безвольно на пол. – А это что, всё?

– Да. Файлы у нас нарезаны кусками по несколько минут, этот был последним, что я успел скопировать. Потом припёрлись эти твои следователи. Или псевдоследователи, уж не знаю. Я

вопросов им не задавал, поскольку сам хожу в отдел мониторинга только как посетитель. У старшего смены вопросов не возникло, а сопровождал их наш зам. В общем...

– Да всё понятно, Лёш, и за это спасибо! Я просто надеялся увидеть что-нибудь, позволяющее выследить моих невидимок. Почему-то мне кажется, что эта невидимость требует от них изрядных усилий. Очень уж они вяло себя показали для такой драки, понимаешь? На их стороне были все преимущества, и оружие у них было, и в целом они вели себя как бывалые бандосы, а не просто шпана из подворотни. А победил, выходит, я в итоге.

– Сильно сказано. Каких-то полминуты, и тебя бы поп отпелал, победителя.

– Так не отпевает же? Значит, победил. Жив остался, и даже трофей отжал!

Я сунул руку в рюкзак и вынул узкий бумажный свёрток. Ложась на стол, свёрток брякнул металлом. Смыслов отогнул бумагу и убедился, что под ней пусто.

– Тот самый нож?

– Ага. Осторожнее, он острый как бритва. Я три раза пальцы порезал, пока домой донёс. Лешка провел ладонью по контуру.

– Похоже на кортик. На отпечатки не думал проверить?

– Да не, я его залапал основательно, пока такая мысль в голову пришла. К тому же, как их снять, отпечатки? Придётся как минимум эксперта в дело посвящать.

– Меня же ты посвятил!

– С тобой, как ты выражаешься, мы давно знакомы. Нет у меня на примете ни одного эксперта, которому я мог бы доверять, как тебе.

Он хмыкнул и бесцеремонно перетащил к себе поближе мой ноутбук. Забрал флэшку и воткнул вместо неё новую.

– Ну раз так, то есть у меня тебе ещё один подарок. Всё, что касается твоего поезда после происшествия, наши визитёры выгребли подчистую. Включая записи камер из депо. Но это не единственное место, где можно поискать следы невидимок, так ведь?

– Точно! – Я шлёпнул себя по лбу, удивляясь, как сам раньше не догадался. – Если изымать записи они отправились до того, как меня привели в чувство и допросили, то не могли знать, где невидимки подсели в вагон!

– Не столь важно, где они подсели. Важно, где мы их точно можем найти в видимом состоянии.

– В переходе на Киевской!

– Именно!

Смыслов запустил другой видеофайл, и я почувствовал холодок на позвоночнике. На экране две знакомых фигуры сворачивали к эскалатору. Затем картинка переключилась, камера над эскалатором с другого конца показала вместо мужчин пустую ступеньку.

– Вот так они и становятся невидимыми, – заключил я. – Ни пения заклинаний, ни танца с бубном, ни вспышки с громом и молнией. Раз, и всё. Поможет ли нам это знание в их розыске?

– Это – не поможет. Нам помогут сведения об их проездных билетах.

– У них что, есть проездные?

– Конечно, кто ж их в метро бесплатно пустит? Я полночи потратил, отслеживая твой маршрут, а потом и их тоже. Они приняли тебя на Октябрьской, когда ты с радиальной на кольцевую переходил. А туда они приехали с Выхино. И номер их билета на турникете зафиксирован. Если тебе интересно, они пользуются обычной картой "Тройкой", ездят по безлимитному тарифу. Могу даже примерно карту их поездок набросать, но она очень обширная и не слишком для нас полезная.

– Давай уже, выкладывай, – махнул я рукой. – Я и так понял, что всё полезное ты уже сам выяснил.

Смыслов, довольный произведенным эффектом, широко улыбнулся.

– Полезно нам то, что эти двое ездят почти каждый день с одной и той же станции. Значит, живут неподалёку. И значит...

– Мы можем их выследить и повязать там в любой момент!

– Совершенно верно! Если они на дно не залягут после случившегося. И если ты придумаешь достаточно веские основания для этого вот вульгарного "повязать".

– Какие ещё основания?

– Веские, Жень, веские! Предъявить им твой танец в пустом вагоне мы не можем. Их там формально не было. Повода для задержания нет. Максимум, что я могу тут предложить по официальной линии, это "случайную" проверку документов.

– Чёрт. Я совершенно уверен, что паспорта у них окажутся в полном порядке.

– Мне тоже так кажется. А значит, ты можешь рассчитывать не более чем на три часа задержания, а потом их нужно будет отпустить с извинениями, а мне придётся объясняться перед руководством, какого черта я подставляю сотрудников под прокурорские проверки.

– Нет, конечно. Ничего нам это не даст, а невидимки потом уж точно на дно залягут. Нужно другое решение.

– Неофициальное?

– Разумеется. Ты со мной?

– Ха! Ты понимаешь, я за всю свою жизнь знал только одного человека, умевшего вот так мгновенно растворяться в воздухе. Это был наш армейский зампотылу.

Я расхохотался.

– Да, это точно, Васьсергеич мог исчезнуть за долю секунды, если на горизонте появлялся кто-то из старших командиров!

– Ну так вот, после того, что я увидел на этой записи, – Смыслов потряс флэшкой, – я не успокоюсь, пока не пойму механизма этого чуда и не научусь делать так же!

Я похлопал Лёшку по плечу.

– Замётано! Когда ты будешь достаточно свободен, чтобы заняться этим вопросом?

– Сегодня я отсыпной, сил нет. А зато завтра у меня выходной за суточное дежурство.

Предлагаю в долгий ящик не откладывать.

Я залпом осушил второй бокал, от которого Смыслов отказался, и захлопнул крышку ноутбука.

– Вот и договорились!

* * *

Мы не планировали устраивать стычку с "хвостатыми". Конечно, нет. На первый раз даже в контакт с ними вступать не считали обязательным. Планировали просто последить, провести разведку, так сказать. Но кто ж знал?

Выхино – район своеобразный. А касательно метро – своеобразный вдвойне. К станции Выхино сходятся маршруты разного транспорта, это первый пересадочный пункт на пути из ближайшего Подмосковья. Поэтому, кто хоть раз пытался отсюда уехать в час пик, запомнит приключение на всю жизнь.

Станция представляет собой дикое сочетание метро, платформы пригородной электрички и автобусной станции. По контуру это великолепие обрамлено автопарковками, забегаловками и магазинчиками. Объединяется всё несколькими подземными переходами – длинными узкими пешеходными тоннелями.

Мы сначала сделали несколько кругов по станции, а потом заняли позицию у этих тоннелей, чтобы пройти в метро незаметно наши невидимки не смогли. Смыслов заранее выяснил (через своих знакомых ребят в службе метрополитена), в какое время билет нужного нам пассажира чаще всего валидируется на входе. Это дало возможность не устраивать засаду с

раннего утра, не участвовать в дикой давке, способной привести в ужас даже кильку в томате. Как разумные люди, мы спокойно приехали в Выхино после окончания часа пик, на почти пустую станцию.

В качестве бонуса техники даже сообщили Лёшке, через какой именно турникет предпочитают проходить наши невидимки. Так что мы, сориентировавшись на местности, могли прикинуть даже примерное направление к их дому.

– Эх, жаль, что они оплачивают проезд наличными, – расстраивался Смыслов. – Если бы пополняли «Тройку» с банковской карты, мы бы уже их имена и адреса знали!

Невидимый клинок я таскать с собой не решился. Не ровён час, выроню посреди улицы – попробуй тогда найди. Вместо этого Лёшка выдал мне во временное пользование кожаный тренчик с воткнутой в него полицейской дубинкой. Когда я пристегнул «оружие» к брючному ремню, он хихикнул и нацепил мне дополнительно эмблему дружинника.

– Может, не один час гулять придётся. С постовыми я договорюсь, они возле нас отсвечивать не будут. А для всех остальных на станции этого будет достаточно.

Однако гулять почти не пришлось. Мы сделали всего два круга по площади между платформой и автостанцией, как смыслов тихонько ткнул меня в бок.

– Вот они, – показал. – Узнаёшь?

Пара "хвостатых" свернула в тоннель метрах в двадцати. Я кивнул и последовал за ними, Алексей отстал на два шага.

– Странно, – заметил он, – Не зашли в метро, прошли мимо платформы.

– На электричку идут?

– Не похоже. Скорее, в ларёк.

– Сигарет забыли купить?

– Сейчас узнаем.

У выхода из тоннеля мы решили немного поотстать, увеличить дистанцию. На свету моя разукрашенная ссадинами рожа была приметна за версту. Но мужчины не оборачивались, напрямик топали к небольшому продуктовому магазину. И там надолго не задержались: вышли с полным пакетом и потопали дальше. Затем резко свернули в прогал между двумя ободранными постройками неясного назначения.

Меня грызла какая-то мысль, какое-то подозрение. Но я не мог чётко сформулировать его, поэтому списал на общее возбуждение, азарт охотника. Выждал секунд десять на углу, потом осторожно выглянул.

– Чёрт! Их нет! Там пролом в заборе!

– Заметили нас? Оторвались?

– Не знаю. Догоним, так спросим! – заверил я, первым бросаясь вперёд.

Нет, они не заметили. Были ошарашены не меньше нашего, когда мы вывалились из пролома, фактически им под ноги. Двор оказался разгрузочной площадкой склада или магазина, перекрытой ржавыми железными воротами.

– Стоять, оба! – заорал я, отыгрывая роль дружинника на все 200%.

Не в тему я заорал, а просто от досады, чтобы скрыть свою промашку. Никто и не пытался убежать. "Хвостатые" оказались давно не бритыми мужичками с явными следами похмелья на отёкших, серо-мятых лицах.

– Вот я так и знал, что это подстава! Слышь, Борь, я говорил же тебе, не бери у них деньги, нас за них или избыют, или в ментовку утащат!

Я смотрел на говорившего и понимал масштаб беды. Незнакомый алкаш, коротко стриженный, во внешности которого не было ничего общего с обликом бандита-невидимки, стоял передо мной, держа в руках парик.

– Лёха, это не они! – завопил я, оборачиваясь.

Фуражка слетела с головы Смылова с глухим деревянным стуком. Волосы на его затылке примялись, взгляд потух. Невидимый убийца, придав падающему телу дополнительное ускорение пинком ноги, перепрыгнул его с негромким "Хэк!" Мне не нужны были экстрасенсорные способности, чтобы почувствовать занесённую над своей головой бейсбольную биту.

Я забыл, что держу в руках резиновую дубинку, но руки помнили. Удар получился без замаха, слева направо и снизу вверх. Амплитуда так себе, зато я вложил в этот удар всю силу, на какую только был способен. От удара в воздухе чвакнуло и захрипело. Бейсбольная бита вывалилась к моим ногам, на лету становясь видимой.

Предугадать действия абсолютно прозрачного противника почти невозможно, приходится реагировать на малейшие признаки. Когда во влажной земле правее меня появилась вмятина от ботинка, я среагировал. На этот раз сверху вниз и справа налево. Результат был гораздо меньший, дубинка встретила препятствие только на излёте, в самом конце дуги, будто невидимка присел перед ударом.

То ли я снова попал по тому же врагу, подставив второму незащищённый бок, то ли первый пострадал не так сильно, как мне показалось... В общем, после взмаха дубинкой я едва не потерял равновесие, качнулся – и получил такой удар в висок, что едва не откинул копыта.

Как сбегали алкаши-подставные – не видел. Только услышал в сумраке сознания, что гроыхнули незапертые железные ворота. Этот звук вернул меня в понимание, что дела идут хуже некуда.

Я лежал на земле, в грязи. Зрение не желало возвращаться, хотя глаза уверенно сообщали мозгу, что они открыты. Ощущения под рёбрами соответствовали трём-четырёх полновесным ударам ноги, а боль в голове можно было смело измерять в тротиловом эквиваленте. И словно этого мало, горло очень больно кололо чем-то острым.

– Очнись, мершен! – потребовал голос в темноте.

Опять этот гортанный выговор, знакомый и неприятный. Я невнятно промычал в ответ. Невидимка встряхнул меня, и процесс возвращения в сознание пошёл быстрее.

В глазах прояснялось. Сперва я разглядел огромную волосатую руку прямо под носом. Кулак с толстыми пальцами без колец и татуировок водил передо мной лезвием ножа – обычного, железного, видимого. И уже немного запахканного кровью.

Второго "хвостатого" стало видно чуть позже. Он сидел верхом на ком-то, уткнув в спину лежащей фигуры пистолет. Ах, да, это же Лёшка, он так и не встал после удара. Но раз ему угрожают, значит, по меньшей мере, жив. Это уже хорошо.

– Говори, мершен! – каркнул голос над ухом. – Где пакет и где мой нож?

– Вот же нож, – удивился я и получил за это кулаком в бок.

– Это для тебя нож! Такой мусор, как ты, только таким и резать. Где мой нож? Обесцвеченный нож где? Это дорогой нож, подарок, я порежу тебя на куски, если не вернёшь!

– Откуда я знаю, где твой нож? У ментов спроси, они вагон обыскивали.

– А ты что, не мент, что ли?

Возражать было бессмысленно. Эмблема и дубинка, которые мне выдал Смыслов, были ложными, но неоспоримыми уликами.

– Говори! Где наш нож и где наш пакет?

– Я думал, пакет вы сами забрали. Вы же тогда первые уходили.

– Врёшь, мершен! Мы сейчас пойдём с тобой, и ты отдашь мне нож и пакет!

Интересно, на каком языке он ругается? Интересно, почему меня волнует эта ерунда, а не лезвие у горла?

– Тебя зовут Буньип?

Рука на моей шее ощутимо напряглась. Видимо, угадал. Это провокация, конечно, но что мне оставалось делать? Только пытаться сменить тему разговора. И хотя ответа не последовало, кое-что новое я выяснил.

"Хвостатые" тем временем обменялись несколькими фразами на своём языке, и я снова не смог его опознать. Грассирующий, словно плохой немецкий, но с большим числом долгих мяукающих звуков, как во вьетнамском. Диббук кивнул, тогда Буньип резким движением развернул меня к нему и сказал:

– Если ты не будешь говорить, мой напарник убьёт твоего напарника.

– А если буду?

– Тогда мы пойдём, и ты отдашь мне пакет и нож. Тогда я отпущу тебя. Когда мы вернёмся, он отпустит его. Ну? Ты понял?

– Всё понятно, конечно. Только нет у меня пакета. Я бы отдал, правда, но не брал я его.

– Значит, вы умрёте прямо здесь. Сначала он, потом ты.

Буньип дал команду, Диббук выпустил заломленную назад руку Лёшки и поднял пистолет, прицеливаясь. Я поспешно выпалил:

– Подожди, подожди! Но ведь есть нож! Да, у меня есть нож, хватит вам ножа?

"Хвостатый" опустил ствол. Пистолет у него был, как я теперь понял, лёшкин. Пустая кобура у Смылова смялась о землю.

– Одна вещь за одну жизнь, – Буньип не оценил моё предложение. – Если только один нож, то отпустим тоже только одного. Кого убивать, его или тебя?

– Он вообще не при чём. Отпустите его.

– Не пойдёт. Я сказал цену. Нож и пакет. Если мы его отпустим, а ты не отдашь ничего, будет неправильно. Убей его, Диббук!

Ствол опять начал подниматься. Теоретически, я уже достаточно пришёл в себя, чтобы снова кинуться на врага. Но понимал, что до выстрела едва ли сумею сбить с ног даже одного, который ближе. Его ножа можно избежать, но как добраться до Диббука? Только если он испугается и выстрелит сначала в меня, для Лёшки появится какой-никакой, а всё же шанс.

Мысль отняла максимум полсекунды. Одновременно с началом движения ствола вверх я сгруппировался для рывка. Буньип или почувствовал это, или ожидал заранее, мышцы его руки на моей шее затвердели, как каменные.

– Стоять! Не двигаться! – раздался окрик от пролома в заборе.

Он сработал, как спусковой крючок. Я изо всех сил вбил каблук в стопу "хвостатого" и кувыркнулся вперёд. Буньип ждал попытки вырваться и держал крепко, как я и хотел. Его потянуло вверх, через меня, лишая ориентации и мешая воспользоваться ножом. Чтобы добавить центробежной силы, я, как учили, обхватил руками его затылок и рванул. Туша перелетела через меня и охнула об кучу мусора. Я же, находясь внутри этого "колеса", дополнительно припечатал бандита сверху своим телом.

Грохнули два выстрела, почти одновременно. Кто? В кого?

Диббук, оказывается, и впрямь отвлёкся от Лёшки. При появлении нового персонажа на нашей сцене, второй из "хвостатых" повернул ствол в его сторону и выстрелил в пролом. А стоявший там оперативник вёл себя грамотно: укрывался за стеной, выставив в дыру только голову и руку с пистолетом.

Пуля чиркнула бетон. Ответная пуля продрала Диббуку джинсы и оцарапала лодыжку. Тут уже в дело вступил Смылов. Рано я списал его со счетов, он на удивление резво двигался после пережитого удара. Перевернувшись с живота на спину, он ударил Диббука острым носком туфли под колено здоровой ноги. Тот охнул, упал на колени. Тут же вскочил, в два больших прыжка достиг пролома в заборе... И растаял в воздухе.

Момент был самый что ни на есть критический. Выстрели Диббук в упор в оперативника, конец пришел бы нам всем. Невидимка с пистолетом, что может быть хуже? Лёшка всё так же лежал на спине, сам я только-только выбрался из мусорной кучи. Что оставалось делать?

Выдернув из грязи обломок кирпича, я швырнул его, целясь прямо в нашего спасителя. Кстати, его я узнал: это был тот самый парень, что недавно размахивал пистолетом, гонясь за Оболтусом.

Кирпич попал точно в цель. Поскольку Диббук стоял строго напротив пролома, поднимая пистолет для выстрела, я угодил ему ровнёхонько в затылок. Вымазанный в грязи, тот теперь не был таким уж невидимкой. Вышла своего рода месть за лёшкину травму.

Пистолет гавкнул, пуля ушла в землю, а оперативник второго шанса не дал, прыгнул и сшиб Диббука с ног. Я подскочил и для верности врезал ботинком. Попал, кажется, в голову, потому что бандит хрюкнул, окончательно стал видимым, а его попытки вырваться сменились вялыми подёргиваниями.

– Сам! – гаркнул на меня оперативник вместо «спасибо». – Второго бери, уйдёт!

Я обернулся. Второго не было. Только железные ворота приоткрылись сами, словно от ветра, а потом с грохотом захлопнулись.

– Да скорее же! В метро гони! Туда побежит!

«Ну конечно, а куда же ещё?» – подумал я и устремился.

* * *

Погоня, в которой один полуживой преследует другого, тоже от души избитого, выглядит забавно только в кино. Нам, например, прохожие, попадавшие на дороге, не улыбались, а в большинстве своём отскакивали в сторону с испугом.

Мне бежать, скрипя зубами от боли в животе, было совсем не смешно. Буньипу, надо полагать, тоже. Он тяжело дышал, держась за бок, а через полсотни шагов прекратил все попытки спрятаться от меня в невидимости. Ещё бы, два удара резиновой палкой даром не проходят даже такому здоровяку.

Бежал «хвостатый» технично, умело, не сбиваясь с шага. Оглянулся всего дважды: в самом начале, когда я громыхнул воротами, выбегая за ним вдогонку, и под конец, когда нырнул в тоннель под платформами, ведущий ко входу в метро.

У турникетов он едва не оторвался от меня, в последний раз сумев ненадолго стать невидимым и проскочить мимо контролёров. Я же, наоборот, чуть не застрял на этом этапе. Вовремя сообразил показать дежурному эмблему дружинника. Билет я вынул из кармана ещё раньше, понимая, что створки турникета не распахнутся передо мной сами.

Настиг я невидимку, потерявшего от боли способность становиться невидимым, почти в середине платформы. Вернее, он сам там остановился, согнувшись и тяжело дыша. С дальнего конца станции навстречу нам двигались двое полицейских, бодрым целенаправленным шагом. Видимо, контролёры от турникета сообщили о странном моём поведении. И Буньип, заметив их, разумно счёл, что иметь дело лучше со мной, раненым и запыхавшимся. А я в тот момент совершенно зря решил, что развязка близка. Ибо этот человек (или кем бы ни было это существо) оказался полон сюрпризов. Да таких, рядом с которыми невидимость выглядела малопримечательным фокусом.

На краю станции показался прибывающий поезд. Полицейские находились пока ещё далеко, к их подходу вполне могли открыться двери. Тогда Буньип получит возможность прыгнуть в вагон. Что ему это даст, кроме нескольких дополнительных секунд свободы? Не думает же он, что мы просто так отвяжемся, прекратив преследование? Если только...

Заложник! Я вспомнил о ноже, след которого ощутимо щипал мою шею. Вроде бы невидимка выронил нож, когда грохнулся в кучу хлама? Но уверен ли я на сто процентов? Не могли "хвостатый" подобрать оружие, выбегая со двора, пока я был занят его напарником?

Поезд приближался, гадать дальше становилось попросту опасно. Я бывал в ситуациях, связанных с заложниками, всего один раз в жизни, да и то... Мой школьный приятель после

скандала с родителями сбежал из дома, залез на крышу и угрожал прыгнуть, если его не отпустят летом в лагерь. В общем, так себе аналогия. Схемы поведения, ведущие к такой же благополучной развязке, как и в моём детстве, сейчас были не применимы.

Поезд уже поравнялся с нами, замедляя ход. За накачивающим всё сильнее гулом электромоторов Буньипу стало сложно контролировать обе стороны платформы. Он озирался то на меня, то на полицейских, и в конце концов я рискнул этим воспользоваться. Использовал простейший приём: сперва подошёл ближе, а потом посмотрел ему за спину. Стоило глушцу отвернуться, я прыгнул.

Вообще-то план был – обхватить за плечи, чтобы блокировать любые движения руками. Уже повиснув на нём, я с удивлением обнаружил, что левая рука не может держать бандита достаточно крепко, потому что занята резиновой дубинкой. Хоть убей, не помню, когда успел её подобрать.

Буньип, тем не менее, позволил себя схватить. Своего он уже дождался, а такие мелочи, как повисший на руках человек, были не существенны. Как только поезд поравнялся с нами, Буньип прыгнул с платформы.

Я попрощался с белым светом. Скорости поезда было ещё достаточно, чтобы поотрывать нам обоим головы, а оставшееся растереть о бетон по всей длине перрона. Как в замедленной записи я видел приближающуюся стену вагона, видел ухмыляющуюся физиономию Буньипа, его голову, которая на миг раньше моей коснулась стекла.

А потом мы повалились на пол. Мягкий упругий пол неизвестного помещения, шириной и длиной примерно с вагон метро, только без кресел и поручней. Пол спружинил, Буньип полуударил-полуоттолкнул меня, расцепляя объятия. Я отлетел, ткнулся затылком о мягкое и обернулся.

Позади меня стояло существо. Необычное, мягко выражаясь, существо. Совершенно лысое, с бугристой голубоватой кожей, выпученными рыбьими глазами, едва поместившимися под короткие веки. Плечи почти отсутствовали, тонкие и длинные верхние конечности росли под острым углом к шее. За счёт этого туловище казалось каплевидным, и эффект ещё более усиливала обтягивающая одежда лилового оттенка.

Я отшатнулся. Вернее, как был, отполз на корячках. Одним скачком – на полметра разом. А существо, испугавшись не меньше, отпрыгнуло от меня.

Буньип довольно засмеялся. Он уже стоял на ногах возле самой стены. Стена вагона была округлая, отделанная занятым материалом, похожим на бугристую кожу рыбоглазого существа, с которым мы друг друга напугали. И сквозь эту стену проглядывала другая, полупрозрачная, едва различимая стена обычного железного вагона московского метрополитена.

Буньип махнул мне рукой на прощанье и вышел. Шагнул прямо сквозь стену. И исчез из этого помещения. А там, за полупрозрачной стеной вагона, я спустя секунду разглядел его призрачную ухмыляющуюся физиономию.

Надо ли мне было объяснять, что произойдёт дальше? Нет, я всё понял мгновенно. Но мне требовалась секунда, чтобы подняться на ноги. Потом я в панике кинулся грудью на стену – и снова рухнул на пол. Голова, и без того болевшая после драки, едва не раскалывалась из-за нового удара. Пупырчатый материал оказался на диво жёстким, а призрак вагона метро исчез, будто снился мне в кошмаре.

Я зажмурился. Этого не может быть. Это нереально.

Пол равномерно покачивался под ногами. Ну конечно, я по-прежнему в метро. В обычном вагоне. Буньип навёл на меня видение, применил гипноз. Существует ли гипноз на самом деле? Не знаю, не сталкивался, но кто освоил возможность стать невидимым, тому гипноз – плёвое дело. Сейчас я открою глаза и окажусь в обычном вагоне метро.

Кто-то легонько дёрнул меня за рукав. Я открыл глаза и заорал благим матом. Голубое рыбоглазое существо тоже взвизгнуло, закатило глаза к потолку и повалилось навзничь. А те, что стояли позади него, просто отпрыгнули.

Их было десятка два. Они уверенно стояли, не держась, в этом овальном зале. Мне было очевидно, что мы находимся в вагоне незнакомого мне транспорта, который с лёгким свистом несётся по... По чему? Где? Куда?

Упавшее существо не подавало признаков жизни. Поняв это, его сородичи заволновались ещё больше прежнего. Одно застрекотало высоким свистящим голосом, и тогда несколько существ поменьше с визгом побежали в конец вагона. А другие, самые крупные, загородили остальных своими телами.

Обменявшись серией коротких звуков и жестов, рыбоглазые громилы шагнули в мою сторону. Я отступал, пока было место. Потом упёрся спиной в стену и поздравил себя: дело дрянь. На помойке не зарезали, так в другом измерении удавят.

С большим сожалением я заметил под ногами у надвигающихся монстров свою дубинку. Теперь к ней, пожалуй, не подобраться. Как они собираются нападать, интересно? Ножи короткие, ручки тоненьки. Возможно, я сумею подороже продать свою шкуру, но ведь это только до тех пор, пока наш, с позволения сказать, вагон не причалит к станции. А потом?

Я заорал на самого смелого из рыбоглазых. Ну а что, в прошлый раз сработало же? С этим, кажется, фокус не прокатит. Он лишь немного замешкался, а потом заорал мне в ответ. Во рту его я разглядел три ряда тонких острых зубов. Вот теперь холодный пот к месту, теперь – самое время.

Рыжая девушка появилась в вагоне, когда я уже поднял кулаки к подбородку, чтобы боксёрски принять последний бой. Я увидел её за спинами громил не сразу, но узнал мгновенно. Та самая. Спутница Оболтуса, исчезновения которой я всё никак не мог себе простить. Она говорила с синекожими чудищами, изъясняясь быстрым клёкотом уверенно и властно. Грамотный психологический приём, так и надо говорить с напуганным возбуждённым человеком.

Проследив за её жестами, рыбоглазые увидели, что напуганный мной до смерти сородич жив. Особь сидела, хватая воздух широко раскрытым ртом, пялилась в мою сторону, но явно приходила в себя. Обступившие меня громилы неохотно, но всё же перестали скалить зубы и наседать.

Транспорт ощутимо замедлился, звук его двигателя стал на полтона ниже. Рыжая девушка бесстрашно раздвинула в стороны рыбоглазых и оказалась возле меня.

– Прыгай! – приказала она.

– Что?

– Да прыгай же! Быстрее, пока не остановился!

Я обернулся и увидел. Сквозь стену снова просвечивали едва уловимые взглядом окна метропоезда. Совсем рядом. Стоит только шагнуть...

– А ты? – повернулся я обратно.

Она издала рассерженное: "Тьфу!" – и сильно пихнула меня рукой в грудь.

Ухватиться было не за что. Потеряв равновесие, я под хохот десятка-другого пассажиров вывалился из вагона на платформу станции "Выхино".

– Пишут для вас, пишут, чтобы не прислонялись к дверям, а всё без толку, – прокомментировал этот акробатический номер "товарищ майор" Виктор Петрович. И подал мне руку, помогая подняться.

* * *

В кабинете, кроме меня и Виктора Петровича, сидела женщина.

Это была необычная женщина. Весь её внешний вид и манера держаться работали исключительно на то, чтобы подчеркнуть её необычность.

Её платье состояло из набора немислимых треугольников разных оттенков. Если бы не казённая обстановка, любой посетитель мог бы запросто принять её за модель, ожидающую выхода на подиум в ходе показа модного дизайнера. Платье, явно сшитое на заказ, идеально подходило к фигуре. Подчёркивало талию, визуальное расширяло плечи и увеличивало грудь до совершенно уместного, идеально совпадающего с фасоном размера.

Её колготки, всего на полтона темнее цвета кожи, прямо-таки принуждали к мыслям о женских ногах. Её серебристые туфли свидетельствовали, что их обладательница не ступала сегодня в весеннюю грязь, автомобиль представительского класса наверняка подвёз её к самым дверям кабинета, если не напрямик к этому креслу. А сумочка, небрежно брошенная на письменный стол, являла собой образец самой модной коллекции текущей недели.

И вместе с тем, никто в здравом уме не посмел бы заявить, что выглядит женщина слишком ярко, вульгарно или демонстративно-кичливо. Образ, если оценивать его в целом, создавал впечатление делового и вполне уместного. По первому впечатлению я обозначил её для себя как «бизнес-вумен класса VIP».

Что она делала в неказистом кабинете, почему разговор вёлся прямо при ней? А бог её знает. Виктор Петрович поздоровался с ней предельно вежливо, я последовал его примеру, а потом мы занялись своими делами, словно дамы рядом и нет.

Она так и сидела в углу, напротив пыльного, давно не мытого окна. Она закинула ногу на ногу и с равнодушием разглядывала корешки картонных папок в шкафу. Она курила тонкую сигарету в длинном янтарном мундштуке, не обращая внимания, что на столе нет пепельницы и разложены неровные стопки бумаг. И да, она никак не выражала своего интереса к разговору.

Я знал этот приём, но ничего не мог с собой поделать, мне с каждой минутой всё сильнее хотелось, чтобы женщина повернулась в нашу сторону и заговорила. Но говорил здесь только Виктор Петрович.

– Евгений, ну вы же взрослый человек, – сокрушался он. – Ну вы же прагматик, вы не чужды логики. Здравое смысла, в конце концов. Как вы додумались гоняться за обесцвеченными на открытой местности?

– Понимаете ли, в чём дело... Люди-невидимки не входят в круг моих представлений о логике и здравом смысле. Да к тому же, не собирались мы за ними гоняться.

– А зачем тогда полезли к ним? Пострадали, сорвали нашу операцию...

– Мы хотели проследить за ними в метро.

– Ну, проследили? И какой результат?

Я развел руками.

– Что мне, по-вашему, было делать? Вы же моему рассказу тогда не поверили?

– С чего вы взяли?

– С ваших слов, что у меня с головой не в порядке.

– Это не значит, что я не поверил. Это я пытался вас успокоить. Чтобы не лезли не в своё дело.

– Когда меня бьют и душат в пустом вагоне, а полиция посмеивается и не принимает заявление – это уже моё дело! Хотите или нет, а я доведу его до конца.

Женщина бросила на меня очень быстрый взгляд, но тут же сделала вид, что стряхивает пепел. Действительно ли в её глазах мелькнуло любопытство?

– Вам очень повезло, – заметил собеседник. – Лично вам и вашему товарищу. Он отделался всего лишь сотрясением и трещиной в ребре. Будь при нём не травматический, а табельный пистолет, или опоздай наш сотрудник хоть на минуту... Ведь мы готовили на них засаду непосредственно на станции.

– Значит, и вы тоже?

– Ну а как бы ещё наши люди смогли вас заметить и прийти на помощь?

– Получается, мы следили за ними, они за нами, а вы наблюдали со стороны?

– Учитывая способности к обесцвечиванию, мы даже не стали бы пытаться задержать их вне метро. Здесь у нас есть свои хитрости, а там они просто растворились бы в воздухе. Вдруг, в самый неподходящий момент появляетесь вы и начинаете мозолить глаза посреди площади. Неужели вы думали просто так, голыми руками взять двух матёрых рецидивистов?

– Если бы вы мне сразу сказали, что это рецидивисты...

– Закоренелые. Эта парочка давно у нас в розыске. За ними тянется вереница очень неприятных историй.

– Диббук и Буньип?

Женщина опять стрельнула глазами, а майор скривился.

– Ну, Миша, язык без костей. Не следовало бы вам знать их имена. Поверьте, вам же лучше никогда их больше не слышать.

– Теперь уж поздно, привет Мише от меня, – хмыкнул я. – Чую, что Буньип и сам от меня ни за что не отвяжется. Знаю такой тип людей, он не успокоится, пока не добудет этот свой чёртов пакет.

– Пакет? – Виктор Петрович сделал стойку, словно спаниель на дичь. – А он всё ещё у вас?

– А разве он не у вас? – удивился я. – Вы же обыскивали вагон? Невидимки клялись, что не забирали. В общем-то, они из-за этого и устроили на нас засаду. Им нужен был пакет.

Собеседник кивнул и сделал пометку у себя в блокноте. Мой вопрос он в очередной раз не заметил, вместо этого ещё раз уточнил очевидное:

– Так вы не знаете, что было в том пакете?

– Нет. Если вы не прекратите игнорировать меня и не объясните, что происходит, то считайте, что я вообще ничего не знаю. Вызовем сюда адвоката и будем общаться со всеми формальностями, под протокол.

Майор шумно выдохнул и стал выбивать дробь ногтями по столешнице.

– Молодой человек, вы ставите меня в сложное положение. Конечно, вы понимаете, что я не имею права разглашать вам тайну следствия. Тем более, посвящать в неё адвокатов или иных посторонних.

– Слушайте, ну хватит уже, а? Что вы меня, как дурачка, за нос водите? Нет у вас никакого представления о следственных мероприятиях и процессуальных действиях. Если бы я сам два года в полиции не отслужил, и то принял бы вас максимум за опера из отдела по кражам. На следователя вы никак не тянете. На кого угодно, только не на полицейского следователя.

Кажется, женщина в дальнем углу едва заметно улыбнулась.

– Что вы предлагаете считать тайной следствия? – продолжал я. – Невидимых гопников? Исчезающие вещи? Может быть, посадку в поезд прямо на ходу, сквозь закрытые двери? Или высадку на той же станции, причём, в том же направлении? Какой из этих фактов я могу разгласить, не рискуя оказаться в психушке?

Виктор Петрович укоризненно ткнул в мою сторону пальцем.

– Тем не менее, одного постороннего вы уже вовлекли в эту историю! И это едва не стоило ему жизни.

– А ещё я сегодня проехался в вагоне с рыбоголовыми монстрами! В поезде без окон и дверей, похожем на змеиную шкуру изнутри! И теперь мои часы показывают половину второго, а ваши – я ткнул пальцем в циферблат на стене – семь часов вечера! Но что самое интересное, вы всё это время ждали меня на перроне. Значит, знали, что происходит, но даже не попытались предупредить!

Собеседник изучил положение стрелок, посмотрел на свои наручные часы и немного их подвёл.

– Поймите, вам не стоит обо всём этом спрашивать. Узнав совсем чуть-чуть, вы подвергли себя смертельной опасности. Если бы я попытался вас предупредить, вышло бы намного, намного хуже. Поверьте, мы всячески старались предотвратить этот инцидент. Наш сотрудник спас ваши жизни. В конце концов, если бы не мы, вас просто придушили бы ещё в первый раз, там, в Крылатском. Так?

– По этому поводу у меня к вам отдельный вопрос. Вы же не просто так прискакали в депо с оружием наголо. Знали о готовящемся нападении на меня?

– Разве вы сами в тот день знали, что окажетесь в подобной ситуации?

– Значит, не знали. Вас кто-то предупредил. Кто, я должен знать!

– Нет! – он отрицательно качал головой. – Не нужно вам ничего знать. Я не хочу и не имею права раскрывать вам больше. По роду службы и для вашего же блага.

Мягкий женский голос прервал этот спор легко, словно гонг – поединок взмыленных боксёров.

– В разных мирах время течёт с разной скоростью, – произнесла женщина негромко.

Мы разом заткнулись и повернулись к ней. Она смотрела вверх, в потолок, словно и не к нам обращала фразу, а заговорила случайно сама с собой.

– Елена Владимировна, вы уверены?.. – начал было майор, но она лишь улыбнулась уголками губ и продолжила:

– Обычно путешествие по линиям Леи занимает много времени. Вот в чём причина отставания ваших часов. Евгений, верно?

– Да. А вы?..

– Моя фамилия – Вересаева.

Женщина повернулась, едва заметно кивнула мне и подождала, не последует ли реакция. Но мне её фамилия ни о чём не говорила. К сожалению для меня и, по всей вероятности, к огорчению для её обладательницы.

– Зовите меня Еленой Владимировной, – предложила она наконец. – Я не люблю фамильярности, она плохо влияет на дисциплину. А с ней в нашем ведомстве...

Вересаева не закончила, вместо этого затянувшись сигаретой. Я отметил, что дыма в комнате практически не было, хотя запах ароматизированного табака становился всё ощутимее.

– Так вот, Евгений, очень немногие путешественники могут найти в линиях Леи такой путь, чтобы время не потерялось. Диббук из таких, а Буньип – нет.

– Поэтому они смогли нагнать меня в первый раз, через несколько станций после Киевской?

– Правильно. И поэтому же вы сегодня потеряли несколько часов, выбираясь обратно к Выхино. Кстати, как вам это удалось?

Я уже открыл было рот, чтобы рассказать, но... Сердитое лицо рыжеволосой девушки на секунду появилось в моём воображении.

– Сам не понимаю, – выдал я обтекаемый ответ. – Буньип сшиб меня с ног, а сам ушёл обратно, в вагон. Ну, в обычный вагон. Я прыгнул следом, но выпал сразу на платформу.

Ох, как тяжело врать такой женщине! Я убеждал себя, что не вру, а просто опускаю некоторые детали, однако же... Ох, как удивлённо она посмотрела на меня, подняв одну бровь!

– Ну что ж, допустим, хотя это и странно. Буньип проделал переход, чтобы оставить вас в мире, как вы их назвали? Рыбоголовых? Каким-то образом вы смогли воспользоваться его же дорогой и вернуться назад. Раньше никому из земных такое не удавалось. Наверное, это даже хорошо. Это ещё один плюс.

– Из каких это земных? Ещё один плюс к чему?

Вересаева сбросила холодную настороженную маску и примирительно улыбнулась.

– Видите ли, в чём дело. Наше ведомство обеспечивает безопасность московского метрополитена. Нет, не в том смысле, как это делает полиция или ведомственная служба безопасно-

сти. Мы, как бы поточнее выразиться, тесно сотрудничаем. Почти все их сотрудники, открою вам эту тайну, в гораздо большей степени наши сотрудники. И тем не менее, мы испытываем определённый кадровый голод.

Она коснулась языком губ, словно фраза про голод имела некий двойной смысл. Я сразу же вспомнил, что и сам ничего не ел с семи утра.

– Нам нужны такие люди, как вы, Евгений. С опытом оперативной работы. Ответственные, решительные, с хорошей реакцией и острой интуицией. А главное – думающие, способные анализировать.

– Нууу, – я замылся. – Вообще-то я не ведусь на лесть и работу не искал. У меня есть неплохая должность.

– Ой, да полно, – искренне рассмеялась Вересаева и так взмахнула рукой, что длинный цилиндрок пепла упал прямо на стопку документов. – Я узнавала про эту вашу работу. Признайтесь честно, вы киснете на ней, как прошлогодний кефир!

Я хмыкнул. Сравнение было очень точным.

– Евгений, – произнесла она ещё тише и наклонилась. – Соглашайтесь. После всего, что вы здесь сегодня услышали, отказываться просто глупо.

– Если я откажусь, вам придётся меня убить?

Она снова рассмеялась, искренне и без стеснения. Но когда снова склонилась в мою сторону, в глазах Елены Владимировны искрился лёд.

– К чему это варварство? Кто вам поверит? Конечно, если вы продолжите излишнюю активность и станете для нас проблемой – возможны последствия. Пара сеансов газлайтинга, лёгкая чистка памяти, госпитализация с психическим расстройством, в конце концов. А так... Живите себе на здоровье, как жили. Продолжайте юлить перед начальником и заигрывать с его секретаршей. Но предупреждаю, другого такого шанса в жизни не будет. Позднее вы от досады сгрызёте себе ногти по самые локти, если сейчас откажетесь.

– А если соглашусь?

– Вас ждёт тяжёлая, но интересная работа. Новые знакомства, новые связи, новый взгляд на мир. Принципиально новые возможности. Думаю, вам понравится. Мне кажется, вы в этой роли сможете принести нам очень большую пользу.

– Вам? Лично?

Вересаева захохотала.

– А вы въедливый, это тоже хорошо! Мне лично? Может быть. Но я имела в виду – нам всем. Обществу, городу, стране. Может быть, всему миру, кто знает. А может...

Она не закончила, поднялась и лёгким движением поправила платье, и так сидевшее идеально. Виктор Петрович тут же вскочил, мне пришлось последовать их примеру.

– Решайтесь, мой милый! – Это обращение прозвучало очень лично, но без доли интимности. – Я хотела бы дать вам больше времени на раздумья, но не могу.

– Мне нужно будет подписать что-нибудь кровью? – ляпнул я.

– Ну нет, за кого вы меня принимаете? – она откровенно веселилась над моими попытками сохранить маску независимости. – Достаточно просто пожать руки. Формальности неизбежны, но их возьмёт на себя Виктор Петрович.

Майор просто кивнул, хотя я готов был услышать от него что-то вроде: "Так точно, мэм!"

Её ладонь оказалась теплой и сухой, а тонкие пальцы – неожиданно сильными.

– Я не могу обещать, что в случае согласия ваша жизнь будет радостной и безоблачной. Скорее всего, нет. Зато вы узнаете, что такое линии Леи, что представляет собой на самом деле наше метро и куда оно может привести.

Она повернулась и пошла к выходу.

– Так куда же? – почти крикнул я вслед.

Вересаева обернулась.

– Куда угодно. В буквальном смысле.

Метро

- Это тебе она, может, красивая. А я эту дверь терпеть не могу.
– Почему же?
– Потому что она и так огромная, ещё и железками обита. Они декоративные, но тяжёлые.
– И что?
– А то. Я к этой двери каждое утро подхожу, тяну-тяну, а она не открывается!
– Хм... Это та самая дверь, на которой табличка висит с гравировкой "От себя"?
– Да! (смеются вместе).
Подслушано в метро.

На мой взгляд, самое опасное место в метро – вовсе не край платформы, а вход в вестибюль. Оно же самое философское. Хочешь познать человека, спустись с ним в метро и посмотри, как он минует тугую входную дверь на мощной пружине.

Волевой и решительный всегда толкнет её с хорошим запасом силы. Чтобы инерция дала ему полсекунды на свободный проход. А обратным ходом пружины врезало по конкуренту, идущему позади.

Мудрый человек не тронет двери рукой. Подставит ботинок, навалится плечом, не тратя лишних сил. Пользуясь силой земного притяжения, впадёт внутрь. Его расчёт настолько точен, что дверь захлопнется ровно перед твоим носом, давая возможность самому решить задачу, поднабраться мудрости.

Если с тобой идёт человек хитрый и расчётливый, он за секунду прикинет движение воздуха. И протиснется внутрь в тот миг, когда сквозняк от подошедшего к перрону поезда приоткроет небольшую щель. Не пытайся юркнуть следом! Поддашься азарту, и ветер от встречного состава прищемит тебя в дверном проёме.

Самый сильный попутчик может вежливо пропустить вперёд, а сам выберет соседнюю дверь. И так душевно толкнет, что шлёпнет тебе сначала по носу, а потом и под спину. Знай, альфа-люди в спутники себе выбирают самых живучих!

Ладно, ладно, расслабьтесь. Я не всерьёз. Это такой своеобразный профессиональный юмор. Профдеформационный, если можно так выразиться. Все эти типы пассажиров придуманы лично мной в ходе многодневных наблюдений за потоком пассажиров на входе. Такая теперь у меня работа.

Я работаю в метро. Настоящем метро, а не в той транспортной системе, которая используется для простого перемещения человеческих тел от станции А до станции Б утром, потом от Б до А вечером. Нет, я имею в виду Метро, паутину-саркофаг размером с целый город. Исполинскую фабрику по выкачиванию из пассажиров субстанции, непостижимой для человеческой науки. Силы Леи.

Чтобы отличать "метро" от "Метро", мы используем это слово только в общении с посторонними. В разговоре друг с другом пользуемся терминами "Объект", "линии Леи" либо просто «линии». Посторонний, случайно услышав разговор двух наших сотрудников, не поймёт, о чём речь. Сочтёт, что мы обсуждаем обычные ветки метрополитена.

Кто такие эти "мы"? Сложный вопрос. Я сам ещё не до конца разобрался, слишком уж разношерстная собралась команда посвящённых, так сказать, в тайну. Три двухчасовых лекции в неделю для меня оказалось недостаточно, чтобы за полтора месяца стажировки составить полное представление об этой махине.

Если коротко, то мы – это обслуживающий персонал глобальной транспортной системы. Глобальной настолько, насколько можно себе вообразить. Мы обеспечиваем перевозки и путешествия из самых отдаленных уголков нашей вселенной. А может быть и не нашей. Это могут быть параллельные миры или иные измерения. Мы, я имею в виду рядовых сотрудников, зачастую понятия не имеем, откуда прибыл тот или иной путешественник. Считается, что такой информацией обладают штаб и плановый отдел, но честно говоря, я не уверен, что все точки доступа из московского узла Леи знает даже сама Вересаева.

Наша организация прикрывается обычным столичным метро, но это не значит, что мы встроены каким-то образом в метрополитен. Всё как раз наоборот. Мосметро служит нам "крышей" в качестве юридического лица, ну и ради маскировки обеспечивает перевозки людей по городу. С нашими же путешественниками всё гораздо сложнее. При помощи линий они перемещаются на несравнимо большие расстояния. Поэтому и влияние Объекта распространяется пропорционально дальше.

Мы оснащаем пересадочные точки новейшей земной и иноземной техникой. Подгоняем расписание поездов под время прибытия путешественников, подаём пустые поезда в нужное место, обеспечиваем комфортными номерами в подземельях Москвы и насыщенной туристической программой на поверхности. Ну и конечно, обеспечиваем безопасность. В том числе, пресекаем нелегальный въезд, контрабанду, попытки сожрать друг друга в тёмном углу или как-то иначе пренебречь земными нормами гостеприимства.

Понятное дело, что для этих целей мы вынуждены задействовать не только сотрудников метрополитена, полиции, инженерных и обслуживающих служб. Многих из них приходится посвящать в тайну, брать подписку о неразглашении и разными способами заинтересовывать в лояльности. Так что можно считать все эти организации дочерними подразделениями Объекта. Помимо них, разумеется, мы имеем собственный технический персонал, оперативную часть и администрацию, куда же без неё.

Как рассказал нам, стажёрам, на первой же лекции весёлый седой инструктор по боевой и служебной подготовке Виктор Поляков, контора у нас вполне официальная. С полноценными контактами в министерствах, кураторами в Кремле и даже согласованием руководящих назначений у президента. В официальных бумагах, хранящихся в секретных сейфах некоторых правительственных учреждений, наше предприятие фигурирует под всё тем же лаконичным названием «Объект».

Наши руководители (в первую очередь, конечно, сам директор и его первый зам Вересаева) были бы рады полностью оградить линии Леи от официальных властей. Но так уж сложилось, что все три слоя московской подземки возводились на деньги государства, а значит – с ведома и под контролем.

Строили одни и те же люди, на одной технике и по единой технологии, чтобы не вызывать подозрений. Разница лишь в том, что пассажирское метро публично обслуживает население и приносит деньги; секретное "Метро-2" ждёт своего часа как стратегический военный объект и контролируется силовиками. Про "Метро-3", он же "Объект", осведомлены даже не все члены государственного Совета безопасности.

На картах (на тех официальных картах, которые могут стать когда-нибудь доступны посторонним) схема Объекта примерно на три четверти соответствует первому и второму уровням. Не совпадающие участки, куда не следует падать чужому взгляду, строжайше засекречены. А помимо них, есть ещё и другие, не нанесенные ни на одну из существующих карт. Там не рекомендуется появляться ни при каких обстоятельствах, потому что эти тоннели дополнительно защищены. Не людьми, не автоматами и не камерами, а более надёжными, иногда весьма жуткими, а подчас вполне изуверскими способами.

Чем конкретно мы занимаемся, в деталях не знает вообще никто. Директор, как говорят, многие годы добивался, чтобы в нашу работу совали нос как можно реже. Куда реже, чем счи-

тали необходимым руководители некоторых смежных ведомств. Поэтому наше руководство на протяжении всей истории метрополитена вело политические игры не только с внешними партнёрами, имеющими виды на наш транспортный узел, но и с внутренними. Директор продвигал проверенных людей на нужные посты в разных структурах. Секретил разработки, изымал техническую документацию из архивов. Поговаривали, что кое-кого силой заставил замолчать, а ещё кое-кого – даже забыть об особенностях столичной подземки...

Как именно это происходило, среди сотрудников ходили жутковатые и неправдоподобные легенды. Новички пересказывали их друг другу в перерывах между лекциями. Я сперва прислушивался, но почти сразу решил, что относиться к рассказам нужно скептически. В любой организации есть свои сказки для новичков, что помогают повысить авторитет, проверяют на вшивость, а то и просто сочиняются ради смеха. Есть ли в них хоть слово правды, я не в курсе. На моих обязанностях это никак не отражается, а пока нет способа прояснить всё поподробнее, незачем и голову ломать.

Обязанностей у стажёра не много. Учитывая, насколько необычную профессию приходилось осваивать, я был этому обстоятельству даже рад. Потому что некоторые ситуации, даже оговорённые заранее на семинарах у Полякова, на практике всё равно вызывали шок и ступор. Думаю, примерно такой же бывает после неожиданной встречи с обухом топора.

Наивных в организации не держали, положение вещей было очевидно, а потому и новичков в реальную жизнь подземелья макали не сразу. Дозировали остроту ощущений, чтобы рекрут, существо для Москвы редкое, не отправился раньше времени в комнату с белым потолком, правом на надежду. И мягкими стенами.

Иными словами, на практику "в поля", непосредственно на линии, нас брали не часто. Раз-два в неделю, строго на четыре часа, половину стандартной смены оперативника. И почти всё это время уходило на катание туда-сюда по линиям, с редкими перерывами на осмотр случайных, как мне казалось, станций и проверку документов у случайных, как мне казалось, пассажиров.

К стыду своему, закономерности я начал улавливать недели примерно с третьей. И вот это был, как выражаются психологи, настоящий инсайт! С каждой новой вылазкой я стал замечать детали, которые раньше от меня укрывались. Понимал суть происходящего.

Осознал, чем отличаются девушки, загоревшие в солярии, от скелетообразных путешественниц с резиновой кожей. Научился различать обычных фриков в клоунских париках – и почти таких же, но скрывающих под искусственными волосами пучки шупалец. Однажды я даже порадовал Полякова, на спор угадав, какая из двух групп школьников настоящая, а какая – просто колония гномов, заказавшая себе экскурсию.

Я только теперь осознал, какую большую ошибку совершил в самом начале своего обучения. В конце первого лекционного дня, после знакомства со всеми руководителями многочисленных служб Объекта и непродолжительной обзорной экскурсии по этажам, Поляков раздал нам потрёпанные буклеты. С хитрой улыбкой посоветовал выучить содержимое наизусть, потому что начинающим оперативникам знать свой участок нужно во всех деталях без шпаргалок.

Сунув нос, я обнаружил, что буклет состоит из двух частей. В первой приводилась схема метрополитена. Она немного отличалась от той, что я и так знал наизусть. Вся оставшаяся часть напоминала скорее "Бестиарий" Фурниваля, нежели учебное пособие. Забавные картинки невиданных монстров и ещё более забавные их описания навели меня на мысль, что это ещё одна проверка на вшивость для новичков. Станут ли они учить эту чушь наизусть, будут ли с волнением ждать экзамена?

Я небрежно сунул буклет в карман и отправился с ним на последний свой "отходной" корпоратив по старому месту работы. Проставился неплохому, в сущности, коллективу, расставался с которым почти без сожаления, но без конфликта, вполне по-приятельски. Когда и

зачем я в тот вечер выложил этот справочник, кому понадобилось стащить его и для каких целей – это всё я обдумывал потом неоднократно. Уже когда узнал, что вся информация на тех затёртых страницах была важной, достоверной, а главное – совершенно секретной.

Я не рискнул признаться Полякову в такой промашке. Приходилось, как в детстве, глупо подглядывать в тетрадки соседей и надеяться, что представится возможность снять копию с чужого экземпляра.

Хоть и с пробуксовкой, я жадно впитывал в себя новые знания, не успевая их систематизировать. Иногда пугаясь: а по силам ли всё это усвоить одному человеку? Мне не хотелось отставать от программы из-за собственной оплошности. Тогда я начал по вечерам в одиночку выходить на линию, садиться в поезда и просто смотреть по сторонам. Разглядывал пассажиров, стараясь угадать, кто из них настоящий москвич, а кто только прикидывается.

Кончилось тем, что однажды я увидел подозрительного типа, вскрывающего неприметную серую дверцу высотой в половину человеческого роста с красной табличкой "Калориферная". Мне показалось странным, что у незнакомца густо растут волосы не только на кистях, но и между пальцами рук. А еще более странным было, что тип легко почувствовал и перехватил мой взгляд. И немедленно бросился бежать.

Инцидент имел для меня очень запоминающиеся последствия. Во-первых, знакомство с очень прытким и ловким представителем народа, которому въезд на Землю категорически запрещён из-за неборимой склонности к воровству. Во-вторых, знакомство с фельдшером Леночкой, которая в течение часа всадила в мою прокушенную левую руку четыре шприца с антидотами. В-третьих, знакомство с членами ежедневной утренней планёрки, на которой разбирают происшествия по личному составу, где меня отчихвостили за невызванное подкрепление и упущенного нелегала.

Дело могло кончиться совсем плохо, потому что я уже был готов дать отповедь разбушевавшемуся заму по кадровой и воспитательной работе. В том плане, что я не мальчик, воспитывать меня – зря воспитывалку тупить, а достаточно обычных словесных пояснений, что сделано не так и как поступать на будущее. От скандала уберегла задержавшаяся где-то Вересаева. С едва заметной ухмылкой избавила меня от позора, сообщив, что благодаря мне нарушитель был загнан на группу внешнего контроля и успешно пойман.

Её больше интересовал вопрос, что я делал в свободное время на этом участке и сколько времени я провожу под землёй. Врать было бессмысленно, техническая служба по камерам могла в течение часа просчитать все мои перемещения. Я признался, после чего Поляков едва ли не пинками выгнал меня на поверхность. А на следующий день, прикладывая свою карточку к валидатору, я увидел красный запрещающий сигнал и получил сообщение от дежурного эскалаторной службы: Вересаева запретила пускать меня в метро, пока снова не встречу с Леночкой и не пройду комплексное обследование организма, включая тесты жизненных функций и замеры остаточного лучевого фона.

Да знал я, знал, что опасно. На каждом занятии кивал, слыша, что нельзя превышать лимит облучения. Особенно новичкам нельзя сразу надолго под землю. Надо проверить резистентность к излучению. Как его называют на Объекте – к свету Леи. Если вдруг я чувствителен, если свет на меня подействует, такое случится, такое... В общем, все работники метрополитена через это проходят, вот и ты, говорили мне, потерпи.

Насчёт того, что все проходят проверку и подготовку – это правда. Особенно машинисты. Им ведь приходится каждый день в самый эпицентр на целую смену опускаться. Их кабины, можно считать, самые защищённые от излучения устройства в мире. Но всё равно, дозу хватают выше предельной, предусмотренной для пассажиров, которые непрерывно находятся на линиях от силы час. Даже те работники, что обслуживают вестибюли станций на кольцевой, самой излучающей линии, не получают такой дозы, как машинисты.

По этой причине с машинистами работают особо. Негласно их проверяют, при необходимости снимают накопившийся статический заряд с нервной системы, подпаивают необходимыми препаратами, окуривают деактиваторами. И всё равно в среде машинистов сохраняется высокий процент мистиков и невротиков. Одни впадают в депрессию, другие начинают подозревать у себя экстрасенсорные способности... Так или иначе, а с подверженными влиянию приходится расставаться, пока изменения в организме не прогрессировали в нечто более серьезное. Тех, кто совсем невосприимчив к излучению, остаются считанные единицы. Объявления о наборе на работу висят почти в каждом вагоне.

Как связано излучение Леи с работой под землёй, почему мутации, вызываемые линиями, проявляются в поведении, а не в состоянии здоровья, я пока не понимал. Лекции лекциями, но мне очень не хватало живого общения и реальной практики, без которых осознать теоретический материал оказалось слишком сложно. Особенно по тем предметам, где наставников интересовала только посещаемость и росписи в журнале, а не качество подготовки. Тексты их уроков были настолько нудными и перегруженными технической информацией, что уже на третьем предложении я терял нить повествования.

Короче. Тестируя меня, Леночка ахнула. От полевых занятий отстранили на целый месяц. Посчитали, что примерно столько лишнего времени я наездил под землёй. Я взывал к логике, предлагал посчитать, можно ли за две недели набрать месяц излишков, но Вересаева оказалась непреклонна. И даже намекнула, что отлучение от самого для меня интересного должно предостеречь от подобных глупостей в будущем. А Леночка, игнорируя знаки внимания с моей стороны, тыкала пальчиком в графики с показателями облучения на первый день моего зачисления на службу и на данный момент.

– Ничего не могу поделывать, – говорила она, – нагрузка очень большая. У старых оперов бывает гораздо больше, но они под длительным наблюдением и прогнозом, а вы новенький. Вдруг вы уязвимы, вдруг случится ожог на психике? Нет, и не просите!

Так вот и получилось, что я оказался приписан к отделу внешнего контроля и в дни практики стоял у турникетов. Терял время, скучал, лениво разглядывая сквозь огромные окна утренний людской поток. Единственное, о чём я всерьёз имел возможность здесь беспокоиться, – это местонахождение Буньипа. Уверенность, что этот борзый хитрый бугай не оставит в покое, не покидала меня ни на минуту. А понимание, что нападение обесцвеченного бандита я не способен заметить и предотвратить, приводило в состояние тихой ярости.

Итак, я – обычный контролёр. Мои файлы не стёрли из государственных баз данных, мне не выдали черный костюм и инопланетное оружие. На мне оранжевый жилет, как у дворника, а на спине написано «Эскалаторная служба». У меня в кармане фонарик, моток веревки и кремневая зажигалка, на вид – совершенно обычная. Таковую может взять в дежурке любой из наших оперативников, заступая на службу. Несмотря на то, что в любой момент я могу столкнуться с земным хулиганом или неземным нарушителем границы, оружие мне в принципе не положено. Оно не положено никому из оперативного состава.

Когда я об этом узнал, был натурально ошарашен. Как же можно поддерживать безопасность без оружия? И почему у Виктора Петровича, когда он спасал меня в депо от невидимых наемников, был пистолет?

– Полковник Турчин, – ответил мне Поляков, – не простой оперативник. Он руководит отделом по розыску особо опасных иноро... путешественников. Мы называем его службу Интерполом, чтобы не путаться. Только он имеет право носить оружие на Объекте.

– Да ладно? А полиция? Поставые?

– Большинство сотрудников полиции на Метрополитене не имеют понятия об истинной сути метро. Их цель – поддержание порядка среди людей, зачем нагружать их лишней ответственностью за путешественников? Но даже при этом, полиция в силу закона не имеет права применять оружие в общественном месте. Вам же для работы в тесном контакте с путеше-

ственниками будут предоставлены специальные средства, достаточные для разрешения практически любой ситуации.

– Подавители разума? Внеземные технологии?

– Как раз подавители в метро применяются в отношении людей. И чаще всего хватает стационарных устройств. А внеземные технологии... Мне кажется, Евгений, вы несколько превратно представляете себе статус нашей организации. К понедельнику изучите шестую главу Хартии перевозчиков, и мы обсудим эту тему подробнее.

Ах, да, Хартия. Забыл рассказать. Когда люди впервые узнали об особенностях силовых линий и попытались взять под контроль московский узел Леи, представители иных миров очень быстро отреагировали и легко пошли на контакт. Предложили Земле присоединиться к Хартии перевозчиков. Это означало свободное распоряжение силой Леи взамен на беспрепятственный пропуск путешественников.

Здесь выяснилось два неприятных обстоятельства. Во-первых, люди оказались нечувствительны к свету Леи. Существа из иных миров активно использовали его в своих технологиях, а некоторые даже были биологически зависимы от подземного излучения, а вот для аборигенов, внезапно, богатейший источник этого света в земной коре был совершенно бесполезен. Ситуация для путешественников невыносимая, вызывающая удивление, восторг и, разумеется, зависть.

Во-вторых, излучение, свет Леи, мало где в мирах используется напрямую. Чаще он служит сырьём для получения другого очень ценного ресурса. На Объекте это вещество называли силой Леи. Я долго не мог уловить разницу, полагая, что это свет Леи и сила Леи – синонимы. Но нет, жидкая фракция силы ценится путешественниками невероятно. Для её производства задействуют процессы и технологии, которые я не взялся бы объяснить даже при наличии докторских степеней по физике, химии и биологии.

Таким образом, Москва оказалась на позициях американского континента колумбовых времён. С богатейшими ресурсами, ценности которых представить не могла и применения которым не знала.

Передавая людям текст Хартии, контактёры не скрывали перспектив. В случае отказа Земля оказывалась вне юридического поля. А потому здесь следовало ждать скорого появления или конкистадоров, или каперов. Что хуже – поди угадай.

Хартия накладывала на людей кучу не самых приятных и вполне бесполезных для человечества обязанностей, но при этом гарантировала защиту от откровенной агрессии и некоторую поддержку в техническом плане. Не обольщайтесь, делиться с нами чудесами инопланетного прогресса никто не собирался. Поддержка предусматривалась ровно такого уровня, чтобы обеспечить безопасность путешествий через московский узел Леи. Обо всём остальном люди должны были позаботиться сами.

Разумеется, мы приняли условия Хартии. Вместе с обязанностями уважительного отношения к путешественникам, запрета на оружие в пределах пересадочных точек, ответственности за нарушение множества условий и требований. Более того, люди даже нашли способ не устраивать в Москве парк монстров: спустили всю необходимую инфраструктуру под землю и замаскировали под вид метро. Так эта система и работает, втайне от общества и под пристальным вниманием иных миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.